

Հարգելի՛ ընթերցող.

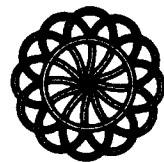
ԵՊՀ հայագիտական հետազոտությունների ինստիտուտը, չհետապնդելով որևէ եկամուտ, իր կայքերում ներկայացնելով հայագիտական հրատարակություններ, նպատակ ունի հանրությանն ավելի հասանելի դարձնել այդ ուսումնասիրությունները:

Մենք շնորհակալություն ենք հայտնում հայագիտական աշխատասիրությունների հեղինակներին, հրատարակիչներին:

Մեր կոնտակտները՝

Պաշտոնական կայք՝ <http://www.armin.am>

Էլ. փոստ՝ info@armin.am

АНРИ БАРБИ

В СТРАНЕ УЖАСА

Мученица Армения

**ЮниПресс СК
Москва 2008**

УДК [343.337.5+341.485](560)(=19)(0.045)

ББК 63.3(5Туд)6-38

Б24

У 253
155

АНРИ БАРБИ.

ВЪ СТРАНѢ УЖАСА

Мученица

Арменія

ХКП - 2

Издание С. Меликова.

ТИФЛИСЪ.

Гимназическая ул., № 1.
1919.

Барби, Анри

В стране ужаса. Мученица Армения: [свидетельства очевидцев] / Анри Барби.— М.: ЮниПресс СК, 2008.— 144 с.

ISBN 978-5-91152-007-6

Данная книга — запись свидетельств очевидцев о геноциде армян в Турции в начале XX века французским публицистом Анри Барби.

Предназначена для широкого круга читателей.

© «ЮниПресс СК», 2008

Микрофильм книги Анри Барби «В стране ужаса» — «Мученица Армения», изданной в Тифлисе в 1919 г., был обнаружен Виленом Аршаковичем Улиханяном в Российской Государственной библиотеке.

Возникла идея переиздать ее на современном русском языке, с целью более глубокого ознакомления широкого круга читателей с фактом геноцида армян в Турции в начале XX века.

Выражаю глубокую признательность спонсорам, поддержавшим переиздание книги — Арутюняну Карему Альбертовичу, Манукяну Арсену Кареновичу, а также членам Правления автономной некоммерческой организации «Севан» — Лобненского филиала «Союза армян России» — Амиряну Валерию Сергеевичу, Матосяну Акопу Алековичу, Тутунджяну Рафику Андраниковичу.

*Организатор и спонсор переиздания,
Василян Ашот Николаевич*

Анри Барби...

Это имя с любовью теперь произносится каждым интеллигентным армянином, интересующимся судьбами своего многострадального народа. Он — один из немногих европейцев, в разгар военных событий изучивший на местах наболевший армянский вопрос и написавший эту прекрасную книгу — «В стране ужаса» — «Армения-мученица», и обративший внимание Европы на неслыханные зверства, ареной коих стала эта страна.

«Я останавливаюсь», пишет он в одном месте своей книги. «Я воспроизвел факты, несмотря на все их ужасы. Их нужно разоблачать, чтобы культурный мир, чтобы история осудили виновных»...

И Анри Барби разоблачает. Он приводит список убийц, официальных представителей Оттоманского правительства, приводит длинный, бесконечный список армян-мучеников.

Средневековые варварства католической инквизиции бледнеют пред ужасами этих новых инквизиторов, и даже самый ад Данте со всеми измышлениями тонкого изобретательного ума — ничто в сравнении с ними.

Молодые мужчины расстреливаются и убиваются самым бесчеловечным образом. Женщины обезчещиваются, насилуются, избиваются и продаются открыто в притоны разврата. Старики и старухи бесконечными этапами отсылаются в отдаленные пустыни, и дети... Ах, эти дети!! Нельзя без содрогания говорить о них. Порою просто их разрывают буквально на части, отрывая ручки, ножки. Порою бросают в воду. Счастливых просто убивают. Когда закрываешь книгу Барби, словно видишь эти большие,

полные ужаса глаза детей, уже одичавших, потерявших дар слова, как звереныши, рыскающих по большим дорогам и питающихся падалью. Глядят на вас эти глаза и спрашивают:

«Зачем? Зачем все эти ужасы? В чем мы провинились пред небом?»

Ответа нет, и чудится мне этот вдохновенный рисунок Корреджио — худой, бледный, страдальческий лик Христа. На голове большой тяжелый терновый венец. Острые иглы жадно впились в нее, и невинная кровь крупными каплями сочится из свежих ран...

Да, это — Армения, «Армения-мученица», «Страна ужаса», забытая Богом, забытая людьми, целые столетия истекавшая кровью и низко сгорбленная под тяжестью креста, в большом терновом венце, без ропота, жалоб, поднимавшаяся на Голгофу и теперь распятая там руками своих палачей-турок по указке из Берлина!..

Эти палачи!.. Многие из них говорят прекрасно по-французски. Одеты все по последней моде, галантно с вами раскланиваются, поднося руки к сердцу, к губам и кружащие головы легкомысленных европейцев при случайных встречах и приводящие их обычно в восторг. Старые палачи типа Абдул-Гамида были... человечнее, если только можно так выразиться о палачах. Новые же, младотурки, ни совести, ни чести, ни жалости не знают.

Найдутся, конечно, продажные перья, которые их будут защищать.

Анри Барби этого боится. Он хочет — «Чтобы культурный мир, чтобы история осудили виновных», наших палачей.

Но армяне ждут от Европы одного — чтобы им оказана была... справедливость.

Пусть лицемерие дипломатов не требует от нас статистики, цифр. Разве не для того, чтобы окончательно ликвидировать армянский вопрос, наши палачи приступили к уничтожению армянского народа? Но разве подлым уничтожением миллиона народа может быть разрешен вопрос о его судьбах?!

Нет, этот вопрос только начинается!

Миллион безымянных могил страдальца и мученика народа прикуют к себе внимание членов конференции, которая вынесет свой справедливый приговор об Армении, и когда все ужасы, которые мы перенесли и ничтожная часть которых только запротоколирована Анри Барби, будут известны, — мир содрогнется.

Не могут, не посмеют эти могилы ставить н а м в в и н у.

Разве неслыханные зверства и преступления, которые совершались по системе германской и руками наших старых палачей, могут быть Европой о д о б р е н ы, о п р а в д а н ы и у з а к о н е н ы?

Пусть этот миллион могил будут нашими лучшими защитниками, и пусть каждая могила —

Считается за двух живых!

В этом — элементарное требование справедливости.

И пусть лицемерные дипломаты не справляются о статистике и цифрах.

Когда в этой бессудной стране, Армении, где шесть столетий потоками льется наша кровь, порой окрашивавшая реку Евфрат, мы получим свой собственный уголок, свой клочок земли, отовсюду будут стекаться армяне и быстро заселят страну.

Как феникс из пепла возродится наш народ.

С какой страшной тоской уже теперь наши пострадавшие беженцы и десятки тысяч малюток-сирот ждут не дождутся желанного часа свободы и возможности возвращения в свою обетованную страну.

А ведь эти беженцы, эти сироты прямые законные наследники мучеников палачей, о черных делах которых так мужественно, так правдиво и так честно пишет Анри Барби...

Работа, говорит он, была турецкая, но система — германская.

Я бы поправил — система турецко-германская.

Высокий ареопаг в лице представителей России, Франции, Англии, Америки, Японии и Италии обратит свое нелюбезное внимание и на эту работу, и на эту систему.

И тогда наши могилы будут вопить о справедливости и станут самыми красноречивыми доказательствами —

Необходимости полной автономии Армении.

Подкупающая для нас сторона труда Анри Барби заключается именно в том, что с фотографической точностью воспроизводя самые тяжелые картины беспримерных в истории зверств турок, рисуя безлюдные пустыни, в которые теперь превращена когда-то цветущая, прекрасная страна, на каждом шагу он умеет выразить нам и свои симпатии, и симпатии к нам далекой и прекрасной Франции, к которой мы, армяне, всегда относились с особой любовью.

Мы верим в его пророчество в наше лучшее будущее и в ту возвещаемую им нам зарю свободы, которая пока что бросает кроваво-красный отблеск на всю нашу истерзанную страну.

Да, мы верим, что существует справедливость.

Верим, что правда будет торжествовать, что сломлен будет германский кулак, что наши палачи понесут свое наказание и возродится вновь наша страна, вновь зацветут сады, зазеленеют пашни, заживут села, города и унылые похоронные песни заменятся другими, радостными и веселыми и понесутся далеко-далеко звуки наших колоколов, возвещающих о свободе, равенстве и братстве...

Да, мы верим во все это. Этой верой мы жили. Этой верой мы живем, и в эти тяжелые дни, когда, казалось, все соединилось против нас, когда самому физическому нашему существованию грозит опасность, — нам дорого сочувствие — Анри Барби — Достоянного сына Великой Франции...

Гр. Чалхушян

Трагедия Армении. В Эрзеруме

Март 1916 г.

От Тифлиса до Сарикамышша, где 31 дек. 1914 г. турки потерпели первое большое поражение — всего один железный путь (от Александрополя одноколейный), по которому ходят только товарные поезда. Дальше от Сарикамышша до Эрзерума — все 156 верст, колесная дорога, постоянно забитая бесконечной вереницей телег и повозок с продовольствием для армии так, что при малейшем дожде она сейчас же разбухает и проезд по ней тогда невозможен¹.

После пяти суток тяжелого пути наконец-то передо мной, в глубине котловины, образуемой высота-ми, — Эрзерум, весь розовый в лучах заходящего солнца, заливающего золотом купола мечетей и иглы минаретов. А дальше, там, в желтовато-серой дали, болотистая равнина, по которой вьется Кара-Су,

¹ Со времени, к которому относится рассказ — русские военные власти значительно улучшили сообщение с Эрзерумом — теперь до него доходит железная дорога (здесь и далее примеч. автора).

один из притоков Евфрата. Здесь я и начну рассказ о всех тех ужасах — о всех тех преступлениях, жертвой которых и ареной стала в текущую войну Армения.

Когда Турция присоединилась, наконец, к Германии и Австро-Венгрии — оттоманское правительство, вместе со всеми другими подданными империи, призвало к оружию и армян. Но положение их вначале сносное — резко ухудшилось после поражения при Сарикамыше, так как об истинных причинах этого поражения военные власти и знать не хотели, сваливая всю вину на присутствие в армии армян. И вот прежде всего армян удаляют от русской границы, а затем, приблизительно в марте 1915 г., обезоруживают и рассылают по разным тыловым городам, где употребляют или на фортификационные работы, или как полицейских стражников для охраны дорог от Эрзерума на Эрзинджан, от Эрзинджана на Трапезунд и от Эрзинджана на Сивас.

Меж тем агитаторы-фанатики не дремлют... Не покладая рук обрабатывают они против армян и армию и народ...

И в результате такой пропаганды — резня армянской интеллигенции. Но для человеконенавистников этого мало. Им хочется всевозможными лишениями и насилиями довести армян до крайности, вызвать протесты с их стороны, а из этих протестов сделать предлог для полного их уничтожения.

* * *

В память солдат, погибших за войну 1878 г., в Эрзеруме был воздвигнут, в свое время, русскими памятник. Турецкие власти знали, что армяне, расположенные к союзникам, расположенные к русским, чтут этот памятник. Вот они и отдают приказ армянам

разрушить русский памятник. Все протесты населения, епископа — напрасны. Турки не позволяют даже произвести это кощунственное разрушение руками наемников. Затем новый приказ армянам: освободить свои дома, которые нужны-де под приемные покои и лазареты. Но что же будет с населением, лишенным крова? Где и как приютить его?

«А, вы не хотите бросать своих домов», — говорят местные власти архиепископу и армянским нотаблям, которые пришли просить облегчить им, по крайней мере, исполнение приказа.

«Вы не хотите, — хорошо. Тогда все расходы по постройке и содержанию госпиталей, нужных армии, будете нести вы!» И армяне Эрзерума начинают платить ежемесячно по 2000 турецких фунтов (около 50 тыс. франков) золотом.

* * *

18 апреля 1915 г. за городом происходит собрание всех мусульман. Хаджи разжигают фанатизм, уверяя, что, пока жив хоть один армянин — Полумесяцу не знать победы! Особенной жестокостью отличается при этом Хильми-паша, известный член «Единения и Прогресса».

Обезумевшие от страха армяне бросаются к ногам вали — Кемиль-паши! Ему их жалко, но он бессилен! Он советует только армянским нотаблям уйти в добровольное изгнание. Быть может, их отъезд успокоит мусульман. И армяне слушаются этого совета. Между прочим, обращаются несчастные и к германскому консулу, но тот твердит им неизменно одно и то же: «За все случившееся вы должны пенять на самих себя. Поведение турок в отношении вас только логично».

Так, в постоянном страхе, проходят дни! В мае сюда доходит известие о мужественном отпоре, данном туркам армянами Ванского вилайета. И с этого момента никакой надежды на пощаду больше не остается. А тут еще армяне соседних уездов. Притесняемые турками и курдами, они ищут себе убежище также в Эрзеруме. Но доступа в город нет; доступ им воспрещен. И вот — без хлеба, без одежды, ютятся они у городских стен и гибнут от лишений и болезней. Турки меж тем выработали план: все армянское население Эрзерума и окрестностей должно быть выславлено в Месопотамию. При этом они стараются внушить несчастным армянам, что эта мера принимается для их же благополучия. Истинная причина, конечно, была иная: облегчить поголовную резню, высылая армян из города всех сразу вместе!

На сборы дано пятнадцать дней. У изгнанников, таким образом, есть, по крайней мере, возможность распродать свое имущество — подумать только, по каким ничтожным ценам, — да сделать опись того, что остается. Хранить же свое добро бедняки поручают епископу. И церковь превращается в настоящий склад, в котором разных вещей сложено на шесть приблизительно миллионов франков. Но кроме этого восьмьсот еще тюков сложено в американском консульстве, да 500 еще поручено хранить одному американцу — доктору Кессу.

Наконец, данный срок истекает, и в ночь на 16 июня 1915 г. все армяне разбужены и собраны вооруженной командой, которая прежде всего отделяет мужчин от женщин и детей. Затем приказывают тро-

гаться. Разбившись на небольшие отдельные группы, все в слезах, начинают изгнанники свой долгий путь. Скоро более слабые устают, выбиваются из сил — падают, отмечая своими телами пройденный путь. Затем и для всех приходят страдания от голода. А там — спустя еще некоторое время, начинается и резня. Появляются шайки курдов и, как волки, бросаются на безоружных. Женщин и девушек, — этих женщин и девушек, с лицами цвета светлой бронзы, с большими печальными глазами — они уводят с собой; они уводят с собой и сильных юношей, чтобы сделать из них своих вечных работников и рабов, а всех остальных, у которых нет уже ни сил, ни молодости, ни красоты, — вырезают. Нескольким несчастным удастся, однако, спастись и изнеможенным, бессильным, почти голым, добраться до Кемахи. Они похожи на ходячих скелетов. А неистовая бойня между тем начинается снова. Воды Евфрата несут уже такое множество трупов, что местами они, собираясь в груды, как живая плотина, мешают свободному бегу реки.

Спасшиеся каким-то чудом, и другие еще доходят до Месопотамии и попадают в Мосул! Лишенные решительно всего, не видя никакой помощи от турецких властей, они обращаются в Эрзерумский банк, куда, до трагического своего исхода, вкладывали деньги... Но на ответ нужно время и время, и вот, когда, наконец, деньги из банка приходят, тех, кому они посланы, нет уже в живых. Они умерли с голода!

Судьбу эрзерумских армян разделили армяне всех шести вилайетов, тех самых вилайетов, в которых, накануне войны, Россия, Франция и Англия хотели провести ряд реформ, обещанных уже давно, но все время откладываемых турецким правительством.

В начале резни жизнь еще можно было купить ценой обращения в ислам. И некоторые волей или неволей отреклись от своей религии. Все они получают одно и то же имя: Абдулах. (Мысль назвать всех одним и тем же именем, чтобы после сразу узнавать ренегатов, как меня уверяли, — германская мысль.) Но скоро и это средство перестало спасать. К какой религии ни принадлежали армяне (католической, протестантской, армяно-григорианской) — они должны были все равно идти в ссылку. Резня меж тем продолжалась, превосходя по жестокости все, что только можно себе представить!

Как описать все те ужасающие сцены, о которых мне приходилось слышать?!

Дети, зарезанные, растерзанные на глазах их матерей, обезумевших от ужаса, — матери, которых палачи принуждали пить дымящуюся кровь их, только что зарезанных малюток; женщины — задушенные, если они были стары, и изнасилованные, если красивы и молоды, — причем некоторым выворачивали пальцы, дробили суставы, кисти рук. Разнузданная жестокость доходила до утонченности. Так, одна партия ссыльных армян встретила какого-то мутешерифа, который, казалось, из сострадания взялся быть ее проводником. Став во главе эскорта жандармов, такой на вид доброжелательный, благостный, он действительно вывел партию, но в узкое ущелье, где и приказал, все по-прежнему спокойный и улыбающийся, перерезать армян всех до последнего.

* * *

В Эрзеруме турецкими властями были оставлены в живых пятьдесят армян — сапожников и портных — для работ на армию. Когда туркам пришлось очищать город, все эти ремесленники, за исключени-

ем одного старика, которому удалось спастись, были придушены. Архиепископ Смбат Саадетян, оставшийся на своем посту до последней минуты, покинул Эрзерум с последним караваном. Дальнейшая его судьба неизвестна¹. Неизвестно также, что случилось с некоторыми другими представителями клира, Армянская церковь была, конечно, разграблена. Захвачены были и те пятьсот тюков, которые находились на хранении у доктора Кесса. Только американскому консулу удалось спасти доверенные ему вещи. Наконец, 28 сентября вышел приказ произвести аукционную продажу всего имущества, принадлежавшего армянам. Имущество было распродано, и полученная выручка государственным казначейством конфискована.

Единственно, чем занимались в Эрзеруме германские офицеры, так это прожиганием жизни. И ни мусульманское население, ни турецкие офицеры не испытывали никакого удовольствия от пребывания этих тевтонских рыцарей, заносчивых и дичинных, — военная помощь которых была ничтожна, все же времяпрепровождение состояло в провокации да оргиях. Захватив силой нескольких молодых армянок, принадлежавших к лучшим семьям города, германцы сделали из них покорных рабынь своей похоти. Впоследствии, оставляя Эрзерум, они увезли с собой и этих несчастных!

А теперь вот цифры, красноречивость которых комментарий не требует. Из 18 000 армян, насчитывавшихся в Эрзеруме до войны — при вступлении в город русских войск, оставалось в живых 120, и это были преимущественно женщины и дети. Мужчин в этом числе оказалось всего шесть.

¹ Я узнал позже, после взятия уже Эраинджана русскими войсками, что этот священнослужитель по прибытии в этот город был убит.

В селениях вилайета, соседних с Эрзерумом, все армяне исчезли также. Сколько ж их, всех этих несчастных, дошло до Месопотамии? А там, в пустыне — каково там их адское существование?

**Подавляющее показание
консула Соединенных Штатов
в Эрзеруме**

Представитель Соединенных Штатов Америки — он же миссионер, его преподобие Робт. С. Стэплтон все трагические дни пробыл в Эрзеруме и пробыл не бесстрастным зрителем страданий армянского населения! Рискавая быть убитым — как был убит его коллега Джорж Кнейп, американский миссионер в Битлисе, ставший великодушно на защиту армян этого города, — г. Стэплтон, при энергичной поддержке своей достойной супруги сделал все, что по-человечески было в его силах, чтобы спасти от гибели возможно большее число жертв. Только ему одному обязаны жизнью те 120 армян (вернее, армянок, потому что, как я сказал, мужчин было всего шесть), которых при занятии Эрзерума нашли русские. Только благодаря его помощи семнадцать молодых армянок, воспитанных в американской школе, избежали или бесчестья, или смерти.

Свидетель всех жестокостей, совершенных палачами — г. Стэплтон, охотно соглашается рассказать мне обо всем. При нашем разговоре присутствует и г-жа Стэплтон, которая внимательно следит за точностью воспоминаний своего мужа, да он и сам, чтобы установить те или другие даты, время от времени справляется со своей записной книжкой, куда день за днем заносил все события. И эта книжка включает в себе самые неопровержимые, подавляющие обвинения против младотурок и германцев, их сообщников.

* * *

Прежде всего, мой собеседник сообщает мне те факты, о которых я уже говорил; повторять я не буду. Затем он переходит к деталям: я узнаю, что в Хныс-Кале резня армян курдами началась еще с 19 мая 1915 г. — приказ же об изгнании всех армян из эрзерумского вилайета был отдан 1 июня. Такой же приказ относительно жителей самого Эрзерума выходит немного спустя.

Вали города делает все возможное, чтобы смягчить строгость этих приказов. Он разрешает армянам покупать для дороги телеги и повозки...

Но я представляю здесь слово самому Стэплтону: «Вали, — говорит он, — на мой вопрос сказал мне, что намерение его правительства выслать не только одних армян, но вообще произвести эвакуацию по военным соображениям, всего населения города независимо от расы». Это заявление, как показали скоро события, оказалось ложным.

Первая партия ссыльных — приблизительно семьдесят сорок — вышла из города 16 июня. Я знаю, что из этой партии в Харберд прибыл всего один мужчина и около сорока женщин.

Главная масса ссыльных была отправлена 19 июня. В путь тронулась длинная вереница повозок, причем каждую отдельную группу сопровождало по несколько жандармов. А 28 июля и архиепископ армянский Смбат Саадетян, и римско-католический епископ, и протестантский пастор, в свою очередь, вынуждены были также вместе с последним караваном ссыльных покинуть город.

* * *

Мой собеседник на минуту замолкает. В комнату входит маленькая девочка и бросается к нему на шею. Это маленькая армянка, спасшаяся от резни. Ей 4 го-

да. Ее нашли на улице в Эрзеруме, после того как турки бежали и в город вступили русские. Она умерла от голода. Когда ее стали расспрашивать, она лепетала только одно: «Меня зовут Ангин (бесценная, не имеющая цены). Мой отец убит. Моя мать убита. Маленьких (ее братьев и сестер) бросили в воду». Известно, что палачи утопили множество армянских детей.

Г. Стэплтон приютил малютку и удочерил. Теперь она счастлива, хотя страшные призраки все еще тревожат ее детскую душу. Так, однажды, когда детей г-жи Стэплтон не было долго дома, она подошла к ней и тихо спросила: «Скажи, скажи же мне, где маленькие? Разве их также бросили в воду?»

Но г. Стэплтон продолжает свой рассказ дальше: «Только в сентябре до меня дошли первые новости от изгнанников! Писали мне исключительно женщины, спрашивая, не знаю ли я, что стало с их мужьями, с которыми их разлучили и дальнейшая судьба которых была им неизвестна. Большинство же извещало меня о гибели всей своей семьи. Всех этих женщин направляли потом на Серуди, Урфу, Алеппо и Раку, а до этого сгоняли на Эрзинджан и Харберд. В Эрзинджане средства передвижения изгнанников были конфискованы и самый маршрут изменен: их стали гнать на Кемах.

Караван, шедший в Харберд, стал жертвой неопишуемых зверств. Одной из двух дочерей моего друга, эрзерумского доктора-армянина Тахджяна, полубезумной от ужаса, удавалось два раза вырваться из рук палачей, и два раза ее схватывали вновь! В настоящее время она и ее сестра, обе они в гаремах Харберда».

* * *

Г. Стэплтон рассказывает... Сцены зверств, насилий, смерти следуют одна за другой. Рассказчик оп-

ределает точно даты, называет имена, рисует детали преступлений. Он подтверждает мне убийство — перед вступлением в Эрзерум русских — пятидесяти мастеровых-армян, которых держали в городе для работ на турецкую армию.

Я узнаю, что в этот же период времени по приказу главнокомандующего турецких войск эрзерумского района Кемаль-паши сорок греческих семейств были вынуждены, несмотря на стоявшие страшные холода, так же отправиться в ссылку. Дальнейшая судьба их неизвестна. По всей вероятности, она была та же, что и армян. По моей просьбе консул называет главных виновников эрзерумской резни.

Вот они: Кемаль-паша, оказавшийся исключительным извергом; начальник полиции — имени его г. Стэплтон не помнил, — тот самый, который в Адане стоял также во главе полиции, когда там происходили гекатомбы армян; Сейфулах, депутат турецкого парламента, член партии «Единение и Прогресс», и его сыновья; Инглис Ахмет-бей, турецкий офицер, несколько раз грозивший г. Стэплтону смертью и собиравшийся сжечь американское консульство и школу за то, что ему отказывали в выдаче одной молодой армянки — ученицы этой школы.

Поведение вали, как и поведение некоторой части мусульманского населения города, было довольно гуманным. Германские офицеры участия в избиениях не принимали, ограничиваясь только тем, что допускали их, — да тем, что во время резни захватили несколько молодых армянок.

Рассказ очевидца

В Эрзинджане первое выселение гражданского населения относится к 7 июня 1915 г. Всех армян этого города погнали в Кемах (в 50 километрах на юго-запад).

Там всех, без различия пола и возраста, передупили. И Евфрат стал для всех их общей зыбкой могилой. А вскоре после этого пришел черед эрзерумских армян и жителей других поселений вилайета.

Не успел первый караван несчастных изгнанников подойти к подошве джибейджейских гор, как во главе 50 всадников из балабанских курдов явился Халил-ага и потребовал уплаты 5 тысяч турецких фунтов, обещая за эти деньги свое покровительство. Сознавая, что остается только подчиниться, караван собрал и вручил Халил-аге требуемую сумму. А тот, успокаивая несчастных, говорил: «Будьте покойны; теперь больше никто не станет вас тревожить!» После чего, собрав своих всадников, он ушел в горы. Но не прошло и двух часов, как неожиданно на караван напали 200 курдов и начали резню, продолжавшуюся четыре часа. Наконец, захватив с собой, навалив их на повозки и волов, самых красивых девушек и женщин, бандиты ушли. И, таким образом, из всех эрзерумских армян до Мамахатун дошло только пять тысяч. Каймакан этого города, притворясь сочувствующим горю несчастных, сумел выманить у них, в свою очередь, еще 300 фунтов, обещаясь при этом довести их до Эрзинджана целыми и невредимыми. День 22 июня караван пробыл в селении Держан-Пирич. На следующий день, рано утром, он снова тронулся было в путь по направлению на Эрзинджан, но, выходя из селения, увидел в долине Чатак курдов. Однако каймакан успокоил изгнанников, уверив, что эти курды явились для их же охраны. Ему поверили, и он, выведя караван из селения, сдал его курдам, а сам вернулся в Пирич. Курды и, присоединившиеся к ним солдаты эскорта, времени терять не стали, и как только ушел каймакан, сейчас же начали избивать несчастных, сбрасывая тела их в реку. Около двух часов пополудни несколько старух, да детей от 10 до 12 лет спаслись от бойни и, полубезумные от ужаса, прибежали в Держан-Пирич, где и рассказа-

ли обо всем. Два дня спустя после этого, 24 июня, курды сделали на это селение набег, грабя и избивая как коренных жителей армян, так и искавших там пристанища беглецов. Наконец, 25 июня около полудня подошли турецкие «четы» (кавалеристы-добровольцы), которые заставили последних оставшихся в живых армян покинуть селение, а затем после часового марша перебили при помощи курдов и их.

* * *

«Спрятавшись в одной из пещер на берегу Евфрата, был я бессильным, возмущенным зрителем этого последнего акта бойни», — говорит Сукиасянц, со слов которого веду я рассказ. «В пещере я пробыл три дня и наконец, чувствуя, что умираю от голода, решил вернуться в Мамахатун. Дойдя до селения Вагарич, я убедился, что там также идет резня. Сознавая, что положение мое безвыходно, я решил идти напропалую и выдать себя за турецкого солдата. Мне посчастливилось: Гези Бейхок Измаил-ага за солдата меня признал и отправил в Мамахатун. После четырех дней пути я был там, и счастье было со мной: я был зачислен при помощи одного лейтенанта в армию и заявил, что зовут меня Зека, что я сын Ибрагима, турецкий солдат, уроженец Эрзинджана. Лейтенант послал меня в Эрзерум, где я был окончательно зачислен в караван № 48 верблюдовожатым под № 5».

* * *

«За время моей службы верблюдовожатым мне пришлось узнать об очень многих избиениях, и я даже присутствовал при нескольких из них. Так, например,

я был при той страшной бойне, которая залила кровью Байбурт и во время которой население и войска избили поголовно всех армян, побросав тела их в Чорох. Армяне окрестных деревень были также умерщвлены около монастыря.

В этой части Армении, мне кажется, только армяне в Шабин-Карахисаре оказали сопротивление. Они сами напали на турецкое население, и им удалось захватить городскую цитадель, в которой двенадцать суток они и отбивались победоносно от турецких войск. Но когда этим войскам были посланы из Эрзинджана и Сиваса подкрепление и орудия, армяне, считая, что все погибло, сделали на тринадцатую ночь отчаянную вылазку, перебили около трехсот турок и, израсходовав все боевые припасы, сдались. Все они были расстреляны.

Затем г. Харан. Сукиасянц, которому удалось во время вступления русских в Эрзерум избавиться от турецкой службы и снова стать свободным, описывает ссылку и избиение армян этого города: «С первыми караванами, отправленными из Эрзерума, — рассказывает он, — отряд ссыльных в 1 200 семейств был направлен, под эскортом 200 солдат, дорогой на Харпут. Этот отряд достиг уже долины Хартона и Дузлы, но там курды и солдаты эскорта, соединившись, устроили поголовную резню. Только красивые девушки и молодые женщины избегли гибели. Слухи об этой бойне дошли и до Эрзерума, и армяне, оставшиеся еще в городе, отказались его покинуть. Вали был в большом затруднении. Однако в конце концов ему удалось убедить архиепископа Смбата Саадетяна, что зловещие рассказы о резне, ходившие по городу, совершенно ложны. Кроме того, он обещал давать впредь караванам настолько сильные эскорты, чтобы те могли защитить их от всякого рода нападения».

Основываясь на этих обещаниях и уверениях, армяне согласились подчиниться, выговорив, однако, условие, а именно: сначала только половина всех ссыльных будет направлена в Эрзинджан, через Вайбурт, другая же половина, во главе с епископом, отправится в путь не раньше чем будут получены точные сведения, что первая половина ссыльных прибыла в Эрзинджан целой и невредимой. Вали условие это принял. Первая партия прибыла в город назначения вполне благополучно, и вторая партия, извещенная об этом по телеграфу, в свою очередь тронулась в путь. Но едва успела она покинуть Эрзерум, как те армяне, которые находились уже в Эрзинджане, были перебиты около моста Кемах, а тела их сброшены в Евфрат. Вторая партия никогда в Эрзинджан не прибывала, так как была перебита на берегах Чороха. Я лично присутствовал при этой последней бойне, участие в которой вместе с солдатами и турецким населением принимали и мои сотоварищи — верблюдовожатые. Когда истребление было закончено, власти вызвали из Пассина, Вана, Мелазгерта, Нармана и Тортума турок и распределили между ними дома, поля и имущество моих несчастных, убитых братьев».

Четырнадцать тысяч убитых Трапезунда

Апрель 1916 г.

Даже в зловещее время массовых избиений (1894—96) по приказу Абдул-Гамида, даже в эпоху гекатомб Аданы (1909) при младотурках — никогда армянский народ не знал тех страданий, какие он перенес, какие он переносит еще и теперь. Взятие Трапезунда русскими дало мне возможность узнать, что

произошло в этом городе в конце июня 1915 г., когда турки хладнокровно и решительно начали свое дело истребления.

Со своими красноверхими домами, расположенными амфитеатром по склонам Понтийских Альп, Тору-даг по-турецки, Трапезунд, — один из красивейших городов на Черном море. Город с узкими улочками и базаром из многих тысяч лавок тянется до самого моря. До войны из 60—65 тыс. жителей 18 тыс. было греков, 14 тыс. армян, а остальные турки. Армяне в Трапезунде, благодаря присутствию иностранных консулов, жили в полной безопасности, счастливо и в довольстве.

Их дела были в цветущем состоянии, и они, всегда предупредительные и ко всем расположенные, принимали участие во всех общественных и административных учреждениях — в таможне, порту и проч.

Бой, решивший судьбу Трапезунда, произошел у Кара-Дере, верстах в 20 к западу от места высадки русских сил, перевезенных туда на кораблях черноморского флота.

С 16 апреля началась по приказу турецких властей эвакуация города; тогда же и эти власти, и главный штаб переехали в Самсун. Одновременно с ними и войска отошли частью на Байбурт, а частью, берегом моря, по направлению порта Керасунд. Наконец, 18 апреля город, находившийся после ухода турецких властей в полной анархии, занят был русскими.

Я получал возможность пополнить свои материалы об избиениях.

Главная гавань для всех судов, плавающих по Черному морю, сосед Батума, находившийся в постоянных сношениях с Одессой, Новороссийском и всеми крупными средиземными портами, начало пути для караванов, отправляющихся в глубь Турции и в Персию, в Эрзерум, Хой, Тавриз и Тегеран, — Трапезунд казался цивилизованным городом¹. На улицах можно было встретить не только турок, греков, армян, персов и спустившихся с гор лазов, но и многочисленных европейцев, и чувствовать себя очень далеко от бешеных шаек Курдистана. После поражения под Сарикамышем — как я говорил уже — все солдаты — христиане, греки или армяне, были обезоружены и отправлены на работы по устройству дороги от Трапезунда на Гюмиш-Хане, где они почти все погибли от лишений и суровости климата. 28 июня 1915 г. был отдан приказ армянскому населению быть готовым оставить Трапезунд через пять дней. Одновременно с этим приказом турецкие власти арестовали армянских нотаблей и представителей интеллигенции — всего около шестисот человек. Арестованные эти были посажены на транспортные суда для перевозки якобы в Самсун. Однако несколько часов спустя все суда вернулись пустыми. Оказалось, что в открытом море их поджидали другие транспорты с жандармами и... «все армяне были убиты и выброшены в море»². Когда назначенный пятидневный срок прошел, армянское население, небольшими партиями, в сопровождении курдов и разбойников (т. е.

¹ Ж. де Морган. — Essai sur Les nationalites.

² Выдержка из рапорта консула Соединенных Штатов в Трапезунде от 28 июля 1915 г.: «За пятнадцать дней до начала ссылки солдаты-армяне, употреблявшиеся исключительно на работы по починке и восстановлению дорог, а также при транспортах — всего около 180 человек — были выведены за город и перебиты».

жандармов) стали выводить за город, где на первом же перекрестке дорог их избивали или продавали в рабство.

* * *

У городских ворот близ селения Джевезлик разыгрываются сцены невыразимого ужаса. Начинается с того, что мужчин отделяют от их жен и детей, испуганные крики которых наполняют окрестности. Затем ударами сабель, ножей или выстрелами из ружей, всячески изоцорясь в жестокости, мужчин избивают. Земля, трава насыщаются кровью. Дети, с широко раскрытыми от ужаса глазами, не переставая, громко кричат и плачут; женщины, ломая руки, молят о пощаде, теряют сознание, падают. Пряный запах свежепролитой крови слышен на несколько сот метров вокруг. Но вот зловеющая работа подходит к концу. Одиноко звучат — все дальше и дальше — последние выстрелы, давая знать, что где-то курд приканчивает раненого, и без того умирающего страдальца. Покончив с мужчинами, палачи направляются к дрожащей толпе женщин, молодых девушек и детей. Полубезумные от ужаса, прижимая к груди своих малюток, матери следят за приближением турок, из которых некоторые в крови с головы до ног... Вот они подошли. Глаза их блестят... они смеются... они издеваются... Муки женщин, только что видевших смерть своих мужей, отцов или сыновей, еще не кончены! Вот варвары уже схватили нескольких детей, донесли до ближних утесов и оттуда сбросили в море. С яростью стараются вырвать они из рук матерей малюток, которых те прижимают к себе, — матери, с сухими уже глазами, сами собственными руками душат своих детей, чтобы избавить их от турецких пыток. Душераздирающие крики, крики ужаса и мук

несутся к небесам... Слышатся горячие мольбы, безумные вопли, стоны агонии... Ребенка за ребенком вырывают из материнских объятий. Держа малюток за ноги, палачи разбивают им головки об утесы¹ или схватывают их обеими руками и одним ударом переламывают о колено позвоночник. «Пощады! Пощады!» Но разве тигры щадят?.. То там, то здесь разыгрываются ужасающие сцены, которые почти невозможно себе представить. Вот два курда, пьяные от крови, держат ребенка — один за ногу, другой за руку и тянут... Каждый тянет к себе с такой силой, что ручка малютки, вырванная из предплечья, остается в руках одного из извергов... Вопль невыразимой муки — страшный среди всех других страшных криков и стонов — пронизывает воздух... Мать, безумную от страданий, которая бросилась было на извергов, оглушают прикладом... И палачам все это нравится... Новая забава их увлекает... Собственное варварство точно опьяняет их... По два, по три, по четыре сразу разрывают они несчастных малюток, разбрасывая части их тел и сами трепещущие тела на все четыре стороны. Когда все дети перебиты — орда берется за женщин. Большинство их лежит с перерезанным горлом или со вспоротым сабельным ударом животом... Вопли несчастных так ужасны, что слышны в Трапезунде. Один грек, доктор Метакса, бывший свидетелем этих ужасных сцен, сошел на месте с ума.

* * *

Греческому митрополиту и г. Крауфорду, консулу Соединенных Штатов, удалось спасти: первому двести, а второму триста детей, но в один прекрасный день по приказу Наиль-бея, главы комитета «Едине-

¹ Консул Соединенных Штатов в Трапезунде доносил в своих рапортах о целом ряде необычайных зверств: «Детей убивали, — писал он, — раскалывая им черепа об утесы; мужчин избивали массами и т.д.»

ние и Прогресс», вали отнял детей у их спасителей, чтобы поместить в так называемые приюты для сирот, открытые под контролем правительства. И в этих приютах бедные матютки, лишенные пищи и ухода, гибли в огромном количестве. На протесты греческого митрополита и американского консула власти заявляли, что причиной такой смертности является нездоровый климат и... отсылали всех оставшихся в живых за город, а там избавлялись от них окончательно, приказывая перебить их.

Ни один трапезундский армянин не избег общей участи. Все, даже нашедшие приют в дружеских греческих или турецких семьях были вырваны оттуда и умерщвлены. Ста пятидесяти молодым девушкам удалось спрятаться в городе, благодаря покровительству и участию греческого митрополита. Турецкие власти узнали об этом и девушек, вырвав «тапи милитари» (при помощи вооруженной силы) из их убежищ, всех или изнасиловали, или задушили, — некоторых открыто, на улице, как раз перед подъездом митрополита¹. В заключение я отмечаю убийство армянского архиепископа Туряна, который, приглашенный в Эрзерум, чтобы предстать пред судом, был убит по дороге туда.

Из всех армянских домов мебель была вывезена полицией, и никакого инвентаря в них не осталось:

¹ «Десять самых красивых девушек оставили в живых, и одним из членов комитета «Единение и Прогресс» они были помещены в особый дом для удовлетворения его собственной похоти и удовольствия друзей. Другие были распределены по домам мусульман». Рапорт консула Соединенных Штатов (28 июля 1915 г.).

все, что имело какую-либо ценность, было свалено в склады. А то, что случайно осталось, разграбила чернь, которая, между прочим, сопровождала всегда, как стая волков, партии ссыльных, чтобы захватывать у них все, что только было возможно. Такой грабеж армянских домов шел несколько недель. Совершаемые зверства были так ужасны, что возмутили часть даже мусульманского населения, и некоторые турки, по крайней мере первые дни, старались спасти армян. Один турок, Эгадир-Оглы, сделал попытку восстать против резни с оружием в руках, но был убит в горах вместе с несколькими присоединившимися к нему армянами соседних селений.

Затем, так же как в Эрзеруме, имущество трапезундских армян было распродано с публичного торга. Сначала продавали исключительно туркам, членам «Единение и Прогресс», потом всем вообще туркам и, наконец, перед самой эвакуацией города, разрешили покупать и грекам, но грекам такого рода покупки воспретил их митрополит.

В Трапезунде дело истребления было доведено до конца.

Из 14 000 армян, живших в городе, осталось в живых всего два семейства да четырнадцать одиноких женщин, которым, благодаря участию греков, удалось спастись от зверств турок. Кроме того, по мнению американского консула, была надежда найти в соседних поселениях еще несколько сотен армянских детей.

Три человека — один турок и два германца — в особенности виновны в избиениях в Трапезунде, организаторами которых они явились. Турок — это Ниль-бей, председатель трапезундского комитета партии «Единение и Прогресс», а германцы — бывший германский консул в Тифлисе Шульенберг и германский артиллерийский офицер Штангер.

В роли же погромщиков и убийц выделились своей бесчеловечностью «четы», жандармы и фанатики-турки.

Страшный «крестный» путь изгнанников

Ужасное преступление Турции — систематическое истребление целого христианского народа — это преступление *Турецкого Правительства и Германии*.

Действительно, почти повсюду, по мере того, как наступление русских позволяло познавать бедствие во всей его полноте и истине, — почти повсюду, говорю, наблюдалось, что часть мусульманского населения как в Трапезунде, так и в Эрзеруме, жила в полном согласии с армянами и хотела жить так всегда. Находились даже чиновники, к несчастью, таких было немного, которые из человеколюбия делали все от них зависящее, чтобы смягчать беспощадную строгость приказов турецкого правительства, которым они подчинялись скрепя сердце.

Таким образом, вся ответственность за злодеяние падает на правительство. Однако при этом не надо забывать и надо во всеуслышание заявлять и повторять, что для предупреждения этого злодеяния, чтобы остановить его в самом начале, было достаточно одного движения со стороны Германии, одного полуслова ее представителя Энверу-паше, тому самому Энверу, который хладнокровно заявлял: «Я не намерен дольше терпеть христиан в Турции». Но Германия

не только не сказала ни слова, не только не пошевелила даже пальцем — нет она сама еще помогала палачам, давая им добрые советы и опытные указания.

* * *

В Константинополе в ночь с 28 на 29 апреля 1915 г. все известные представители армянской интеллигенции, которых так или иначе нужно было заставить молчать, — депутаты, профессора, врачи, артисты, писатели и т. д., все, без различия религии и партии, были арестованы, высланы в провинцию и в большинстве случаев по пути в ссылку прирезаны.

Та же судьба постигла интеллигенцию и в провинции. Без предъявления каких-либо обвинительных актов, без всякого суда, без малейшего повода, если не считать поводом их армянское происхождение, все они были или брошены в тюрьмы, или сосланы, или убиты. Одновременно с этим армянское население разоружали и вооружали мусульман. Собирали в банды курдов. Выпускали из тюрем преступников, чтобы из них формировать «четы», которые затем и служили для изгнанников эскортом. Чудовищный декрет 20 мая 1915 г., которым военный министр Энвер-паша от имени младотурецкого комитета приказал выслать всех армян из вилайетов Армении, Анатолии и Киликии в аравийские пустыни, к югу от железнодорожной линии на Багдад, — прозвучал для армянского народа как похоронный звон. И действительно, высылка эта была ничем иным, как все той же резней, только в трех, следующих один за другим действиях: караван — пустыня — избиение! Истребление целого народа этапным порядком!

Дело началось приказом из столицы, расклеенным на стене во всех городах и селениях. Высшие

турецкие чины получили при этом еще некоторые «полезные» указания. Телеграф и телефон ускорили рассылку приказов. В приказах же объявлялось, что все армянское население должно быть готово в чрезвычайной короткий срок к высылке в отдаленные провинции, достичь которых можно было не в дни, не в недели, а только в долгие месяцы. К этой бесчеловечной мере, как мы видели, добавили еще конфискацию всего движимого и недвижимого имущества, что превращало один из наиболее деятельных, трудолюбивых и культурных народов Востока в нищих.

В некоторых городах разрешалось тем, у кого были средства, добывать себе, на вес золота, или повозки, или вьючных животных. Но всякий раз, или почти всякий раз, как караваны выходили за городские пределы, эти повозки и животные сейчас же отбирались. Таким образом, и богатые и бедные оставались в конце концов с тем, что имели на себе. Кроме того, и мусульманскому населению было особенно строго запрещено как покупать что-либо у ссыльных, так и продавать им. Впрочем, все равно: и при купле, и при продаже все сейчас же отбиралось, и, таким образом, ни перед отправлением в свое ужасное и далекое изгнание, ни в пути никаких продуктов доставать себе несчастные не могли.

Везде первым делом старались разлучить мужей и жен, удалить мужчин и отнять детей у родителей. Везде во время пути, а иногда сейчас же после выступления, и даже до него, самых красивых женщин и девушек, особенно из состоятельных семейств, схватывали и запирали в особые дома, часто просто публичные.

А затем несчастные отправлялись в путь чрез безводные горы и пустынные равнины Анатолии. В невыносимую летнюю жару, под смертельными лучами солнца шли они изголодавшиеся, обессиленные, босые, в лохмотьях — шли толпой в неизвестное изгнание, в котором они знали, что надежды на спасе-

ние у них нет. Жандармы эскорта плетью и палками подгоняли несчастных, приканчивая падавших от усталости или истощения штыками или ударами сабель. Беспрестанно делали набег на караваны шайки курдов, которые часть вырезали, а часть, преимущественно женщин и девушек, уводили с собой.

Наконец, во многих местах, как, например, это было в ущелье Кемах-Богаз, в двенадцати часах пути от Эрзинджана, где Евфрат, сжатый крутыми утесами, прорывается вперед узкой лентой, прибегали к более скорой расправе, к массовому истреблению, к резне «гуртом».

И до мест назначения доходила едва ли четверть всех сосланных.

* * *

При этом не надо забывать, что все эти высылки, избиения, грабежи, похищения, насилия, заточения в гаремах, эта торговля детьми, девушками и молодыми женщинами, всему этому подвергались семьи, члены которых духовно и с культурной стороны были вполне европейцами.

Очень многие из них получили образование в Европе или, по крайней мере в американских, французских и германских миссиях и школах в Турции. Это были не варвары, но люди по своим чувствам и культуре равные нам и, следовательно, значительно превосходящие турок даже высших классов.

* * *

Все, о чем ни говорю я в этом трагическом отчете, все эти сцены ужасов и смерти, все это — неопровержимо. Все доказательства у меня в руках. Турецкое правительство не сможет опровергнуть свое

преступление, оправдать которое нельзя никакими ни военными, ни стратегическими соображениями. В моем распоряжении имеются не только показания немногих избегнувших смерти, не только показания некоторых русских и французов (как его преподобие от. Бернар, настоятель французской доминиканской миссии в Ване), бывших свидетелями и высылки и убийств, но также официальные рапорты и показания официальных представителей нейтральных стран: Соединенных Штатов (я давал уже выдержки) и Италии, которые в то время не были еще в войне с Турцией. В моем распоряжении имеются, наконец, (читатели увидят это впоследствии) показания лазаретного персонала и врачей даже германских миссий.

Караваны смерти

Караваны смерти! Вот действительно точное название для тех жалких сборищ ссыльных, избежавших первых избиений, когда они, ограбленные, без сил, влекомые своими палачами, идут в изгнание, идут на убой. Некоторым из них каким-то чудом удалось спастись от убийц, бежать из этих зловещих караванов жертв, неприютных и обреченных. Некоторых таких беглецов я расспрашивал, но кошмар пережитого так еще угнетал и ужасал их, что они боялись вызывать вновь хотя бы воспоминание о нем. У всех у них на лицах была одна и та же маска — маска угрюмого, сурового оцепенения, и надо было долго, долго настаивать, долго добиваться их доверия, чтобы наконец заставить их говорить о пережитых ужасах. И как рассказывали они! Всегда вполголоса, дрожа и бросая вокруг себя тревожные, растерянные взгляды; роняли отдельные слова, как будто смерть и пытки все еще угрожали им.

* * *

Вот один из наиболее захватывающих рассказов, из слышанных мною:

«Я из мушской долины, — (к югу от Эрзерума, между этим городом и Битлисом), — рассказывал мне один: — Все семьи ссыльных этой области были перебиты в пути, а тела их брошены в Евфрат. В числе погибших семей была и моя: моя мать и три мои сестры с маленькими детьми! Я узнал об их смерти только после. Самому мне удалось избежать высылки. Я прятался все время в лесу св. Карапета, где искал себе пристанище и другие, такие же как я, избившиеся от ссылки.

Однажды ночью пришла к нам женщина. На руках у нее был ребенок. Полуголая, она едва-едва тащилась со стонами и была так худа и бледна, что мы думали — пред нами призрак. Но она заговорила. Она сказала: «Хлеба». Она умирала от голода и изнеможения.

Хлеба у нас не было — только хлебные зерна, которые мы ели, поджаривая. Мы дали ей немного этих зерен с кислым, ссохшимся уже молоком.

И она рассказала нам свою историю.

Она была из деревни Хейбиан и принадлежала к одной из ссыльных семей.

Всех женщин и детей селений Сордар, Базу, Асанова, Салеган и Кварц турецкие власти собрали в монастыре Св. Карапета (место полонничества около Муша).

По словам легенды, монастырь этот был построен на месте храма великой богини Анаит, покровительницы языческой Армении. Всех этих женщин пять дней держали на запоре. Затем вместе с женщинами и детьми из Мехти, Паглу, Уруга, Зиарета и Хейбиана погнали на дорогу к мосту чрез Евфрат, присоединив к ним еще семейства из селений Том,

Хергерт, Норан, Алатин, Гомс, Хахалтук, Сулук, Хоронк, Кардзор, Гезелагач, Гомер, Шейхлан, Авзагбур, Блель и Куртмейдан. Всего было собрано таким образом женщин и детей около 10 тысяч. С первых же дней (так рассказывала пришедшая к нам женщина) сопровождавшие курды стали убивать самых старых и самых слабых из нас, не могших идти. Жизнь зависела от каприза этих стражей. И те, которые были убиты первыми, потом оказалось, были самые счастливые.

Каждый вечер, чуть становились мы на привал, курды насильовали открыто, на глазах у всех других, тех из нас, которые им нравились. Я видела, как они выбирали для этого маленьких девочек восьми, самое больше, десяти лет. И эти отвратительные сцены кончались всякий раз избиением тех, которые сопротивлялись: их убивали или выстрелами из ружей, или ударами сабель. Убив матерей, детей их или убивали, или же просто бросали в сторону от дороги. Умевшие ходить, цеплялись при этом за юбки других женщин или плелись за ними, но самые маленькие оставались там, где их бросали, и через день-два гибли. Тех, кто пытался подбирать и нести этих малюток, нещадно били. И вот так, охваченный ужасом, наш огромный караван медленно шел вперед, отмечая путь свой трупами. Всякий раз, как проходили мы через курдские селения, жители — мужчины и женщины — окружали нас и срывали с нас все, что им нравилось. Скоро все мы были почти голы.

Каждые два дня раздавали понемногу хлеба, но на всех и этого не хватало. И когда взятые в дорогу запасы иссякли, чтобы питаться, мы стали рвать с придорожных полей хлебные колосья. Многие, будучи не в силах сносить такой голод, умирали. Идти приходилось с утра и до вечера под палящими лучами летнего солнца, сжигавшего нас, не видя питьевой воды по целым суткам. И томилась мы жаждой до безумия. Когда же на пути попадался ручей, то, что-

бы напиться — останавливаться надолго запрещалось, — мы толкали, били друг друга, дрались. Подходившим к ручью первыми еще удавалось кое-как утолить свою жажду, но остальные, благодаря свалке и драке, не находили ничего, кроме мутной воды, полной грязи. Сколько детей во время этих драк падало наземь и бывало раздавлено насмерть, пока наконец наши стражники — турки или курды — не разгоняли запоздавших ударами сабель. У некоторых из нас постоянный ужас и волнения притупили все чувства — даже материнские. В отчаянии, в оцепенении многие матери, обессиленные усталостью, голодом и жаждой, сами стали бросать по дороге своих детей, нести которых они больше не могли. Особенно ужасно было положение многодетных матерей. Дошло до того, что те из них, которые спасали хотя бы одного только ребенка, считались счастливицами, — женщинами вполне достойными уважения.

Некоторым из нас удавалось обманывать беспрерывную бдительность стражников, убежать и прятаться в хлебах с надеждой найти затем убежище в горах Сасуна. Многие погибли при этом, пытаясь переплыть Евфрат...»

* * *

Здесь я раскрываю скобки: курды этого района, которых я лично расспрашивал, рассказывали мне, что «четы» выследили этих несчастных, прятавшихся в хлебах Курдмейдана и Шейхлана, и снова собрали их. Вместе с детьми набралось около пятисот душ. По приказу Рашид-паши всех пойманных согнали в селение Шейхлан, на окраине которого и заперли в сараях, вроде риг или запасных амбаров. Бедные уже радовались, что избавились от мук нового адского пути... Меж тем Рашид-паша отдал новый приказ... Наступил вечер. Входы и выходы сараев, по обыкно-

вению, впрочем, были наглухо закрыты. Обессиленные, измученные усталостью, к тому же почти успокоенные отсутствием каких-либо тревожных признаков, — матери, держа заснувших уже детей на руках, начали было засыпать и сами, — когда курды бесшумно навалили вокруг строений груды соломы и хладнокровно подожгли. В несколько минут все пылало. Возможно ли представить себе внезапное и ужасное пробуждение несчастных! Они бросались к наглухо запертым дверям, царапали стены, раздирая руки до крови. Ужасающие крики, вопли страданий, стенания раздавались в ночи! Потом — все стихло снова. Пятьсот женщин и детей были мертвы, сожженные заживо.

* * *

Но я возвращаюсь к рассказу армянки:
«Что касается меня, — продолжала она, — я не пыталась бежать. У меня было еще несколько пиастров, и я надеялась как-нибудь прожить.

Когда мы перевалили через горы Хоцмо, вместо юга, стражники погнали нас на запад, по течению Евфрата.

В пашальке Кинджа произошла смена эскорта. И новые наши стражники оказались еще жесточе прежних. С ними мы пришли в Набагджурский округ. Здесь дорога сначала шла очень глубокой долиной с крутыми отвесными склонами, но затем мы вышли на небольшую равнину, окаймленную Евфратом. И, о неожиданность! Нам приказали остановиться, якобы чтобы собрать нас.

Но не прошло и получаса, как мы стояли, наслаждаясь краткой передышкой, а матери мыли избитые ножки своих малюток, как со стороны Чабагджура появилась внезапно многочисленная шайка курдов. Окружив нас, они неожиданно стали стрелять,

целясь в самую гущу толпы, причем кричали: «Бросайтесь в реку! Бросайтесь в реку!» Треск ружей покрывал наши крики, стоны от боли и вопли отчаяния. Пули меж тем поражали женщин и детей, которые, совершенно обезумев от ужаса, сбивали с ног да толкали друг друга. Многие, следуя приказу курдов, который те не переставали выкрикивать, бросались в Евфрат. Я также бросилась в воду. В это время стрельба усилилась. Для хороших стрелков прекрасными мишенями служили головы, то появлявшиеся над водой, то скрывавшиеся.

Что касается меня, то, бросаясь в воду, ребенка своего я из рук не выпустила. Плаваю я хорошо, поэтому, держа малютку над водой, я позволила течению отнести меня в самую гущу плавших трупов, которые и скрыли меня. Курды меня не заметили, и постепенно мне удалось достичь противоположного берега, где спряталась я в тростниках.

* * *

Настала ночь. Из десяти тысяч — столько было нас — в живых не оставалось никого. Несколько сот трупов женщин, убитых из ружей, лежали наваленные один на другой на том берегу. А тысячи утонувших женщин и детей уносил Евфрат. Ушли назад и курды, захватив ту ничтожную добычу, какую им удалось собрать, да уводя с собой несколько молодых женщин и девушек, которых они пощадили за красоту. Что касается меня, то, когда наступила глубокая ночь, я вышла из своего убежища и, держась течения реки, пошла на Муш. Днем я пряталась и шла только ночью. Питалась я сырым хлебным зерном. Я услышала, что в горах вокруг монастыря Св. Карапета скрываются армяне, и вот я пришла»... «Вот, — сказал армянин, — что рассказала нам женщина, которая нашла нас одной ночью в лесах св. Карапета. Два меся-

ца спустя после ее прихода ребенок ее умер. А спустя еще пять дней сама она была также убита регулярными турецкими войсками, пришедшими в лес, чтобы выгнать оттуда нас, нашедших себе там пристанище».

Рассказ двух германских сиделок

Вот показание, опровергнуть которое будет нелегко Германии, так как оно исходит от двух сиделок германского Красного Креста, состоявших на службе при Германской военной миссии (Deutsche Militärmission¹). Обе эти сиделки в трагические дни резни были и в Эрзеруме, и в Эрзинджане. Они оставались там семь недель. За все это время врач главного штаба — германский доктор — бывший их начальником, особенно строго запрещал всему персоналу Красного Креста помогать ссыльным и поддерживать с ними малейшие сношения. Обе германские сиделки, возмущенные ужасной жестокостью турок, не могли удержаться, чтобы не высказать своего негодования. Это стоило им немедленного увольнения со службы по приказу все того же германского доктора, заявившего им, что они «изменяют».

«Около 14 июня 1915 г., — рассказывали сиделки, партии ссыльных подверглись нападению курдов в ущелье Кемах-Бохаз и были дочиستا ограблены. Большинство их при этом было перебито. Две молодые армянки — учительницы, которым удалось спа-

¹ Рассказ этих двух сиделок относится к 29 июля 1915 года и в свое время был издан отдельной брошюрой под заглавием «Несколько документов о судьбе армян в 1915 г.», Женева, Главное общество печатания (Societe generale d'emprimerie). Одна из сиделок — м-ль Флора А. Ведель-Ярльсберг — по происхождению норвежка.

стись от смерти, заявили, что караван был взят под перекрестный огонь курдов, напавших спереди, и регулярных турецких войск, расстреливавших его сзади. Обе армянки бросились наземь и притворились мертвыми. Затем им удалось, окольными путями и подкупая деньгами отдельных встречных курдов, вернуться в Эрзинджан. Одну из этих армянок сопровождал ее жених, переодетый женщиной, причем платье для этого переодевания достал ему один турок — товарищ его по школе. Когда беглецы входили в Эрзинджан, эту девушку захотел взять себе один из жандармов. Жених, защищая ее, был убит на месте, после чего обеих армянок схватили и заперли у каких-то турок, где принуждали принять ислам. Они давали нам знать о себе через одного молодого доктора, который работал в нашем госпитале. Они просили взять их вместе с нами в Харберд, где они воспитывались. Если бы у них был яд, говорили они, то отравились бы».

Вечером 11 июня сиделки, видя возвращавшихся в Эрзинджан с добычей регулярных турецких солдат 86 кавалерийской бригады, стали их расспрашивать. «Эти солдаты нам и рассказали, как были перебиты безоружные армяне. Потребовалось на это четыре часа. Напрасно женщины на коленях, рыдая, умоляли убийц. Тогда многие стали вместе со своими детьми бросаться в Евфрат». «Это было ужасно, — признавался нам вполголоса один молодой турецкий солдат, думавший, видимо, иначе, чем его товарищи: — У меня не хватило духу стрелять... Я сделал только вид, что стреляю», — говорил он.

Товарищи же этого солдата рассказали нам, что по дороге валялось множество детских трупов».

Затем германские сиделки рассказали мне, что в последовавшие за этой бойней дни во ржи, которая была тогда высока, устроили охоту на армян, во мно-

жестве прятавшихся там. Караваны ссыльных приходили непрерывно, — продолжали они, — и сейчас же их гнали на убой. Показания, собранные нами на этот счет, все говорят одно и то же. Позже наш кучер, грек, не раз присутствовавший при этих избиениях, рассказывал, что жертвам связывали руки и с утесов сбрасывали в реку. Этот способ, считавшийся палачами наиболее скорым, употреблялся тогда, когда жертв бывало очень много. 17 июня вместе с аптекарем Красного Креста Г... мы пошли погулять. (Наш спутник относился к жестокостям турок с тем же ужасом, как и мы; он высказывался на этот счет определенно, и это стоило ему, так же как нам, потери службы.) Нам попался навстречу жандарм, который предупредил, что в десяти минутах ходьбы остановилась большая партия высланных из Байбурта. Он запретил нам идти туда, но рассказал так, что пробирала дрожь, как были перебиты мужчины этой партии... С криками: «Кессен! Кессен! Гелиорлар!» — «Убивайте! Убивайте! Они подходят», — их с вершин утесов сбрасывали на дно ущелья. Он рассказал нам, как в каждом селении насиловали женщин, как он сам захватил одну молодую девушку, как в пути разбивали головы детям, если они слишком громко кричали или задерживали ход. На следующее утро партия ссыльных прошла перед нашими окнами, направляясь на дорогу, ведущую в Эрзинджан. Мы сопровождали несчастных до самого города, который находился приблизительно в одном часе ходьбы. Это была очень многочисленная партия женщин и детей, среди которых шло только двое или трое мужчин. У большинства женщин вид был безумный. Они кричали: «Пощады! Пощады! Спасите нас, — мы примем ислам! Мы сделаемся немками!» Конные жандармы гнали их вперед, размахивая своими плетями и стегая тех, кто отставал. Много турок приходило, чтобы брать себе детей и молодых девушек. У входа в город дорога на Кемах-Бохаз отделяется от большой дороги.

Тут существовало нечто вроде невольничьего рынка. Мы сами взяли себе здесь шесть детей — от трех до четырнадцати лет, — которые цеплялись за нас от страха. А затем и еще одну маленькую девочку. Вместе с ними мы вернулись в госпиталь, — между тем как толпа несчастных, стоня от отчаяния, продолжала свой путь».

* * *

Однако держать у себя спасенных ими детей сиделки не могли. Несколько дней спустя после этого муташериф Эрзинджана в согласии с германским доктором отобрал у них детей, а 21 июня они и сами были выгнаны из госпиталя в наказание за их сострадательный поступок. Они выехали из Эрзинджана и каждый день на протяжении всего пути присутствовали при избиениях и видели отвратительные сцены ужаса. Жандарм, который сопровождал их, рассказал им, как он вел однажды караван в три тысячи женщин и детей. Свой рассказ он закончил простыми словами: «Все далеко, все мертвы».

В селении Эндересс, где сиделки провели ночь, их разбудила частая перестрелка. Это только что убили десять армян. Далее им попадает на пути партия рабочих армян, только что кончивших работы по прокладке дорог. Армян было четыреста душ. Их выстраивают в ряд на верхушке одного холма и там избивают на глазах у сиделок. За два дня до прибытия в Сивас они присутствуют при таком же зрелище: десять жандармов расстреливают армян, — а турецкие рабочие ударами ножа или камнями приканчивают тех, кто еще дышит. «Однажды ночью, — продолжают рассказывать сиделки, — мы спали с одним армянским семейством. Вдруг женщины узнали, что все их мужчины убиты. Они обезумели от горя, и мы напрасно старались утешить их. Разве ваш импе-

ратор не может помочь нам?» — кричали нам они. Жандарм, который сопровождал нас, совершенно спокойно сказал нам: «Эти крики надоедают вам — я их сейчас уйму». И только благодаря нашим мольбам он согласился пощадить несчастных».

* * *

Обе сиделки, сострадание которых к жертвам сделало их для турок лицами подозрительными, 4 июня были арестованы в Цезарее и брошены в тюрьму. Потребовалось вмешательство американских миссионеров, чтобы освободить их.

Путь ужаса и смерти в пустынях Анатолии

В Эрзеруме, в самом городе, можно видеть незаконченное здание, своего рода памятник, сооружение которого было прервано вступлением победоносной русской армии. Здание это предназначалось для клуба эрзерумских членов партии «Единения и Прогресса» и является, действительно, как бы символом их дела смерти, так как все камни, из которых его строили, — это надгробные плиты, украденные с армянского кладбища!..

Одно сплошное кладбище — одну огромную могилу — вот что младотурки, поощряемые официальной Германией, сделали из Армении, утопающей в потоках крови.

* * *

По мере того как развертывалось мое исследование, каждый новый день мне приходилось регистрировать все новые ужасающие преступления,

все новые жестокости. Как описать пытки, которым подвергли армянских женщин?!

Судьба мужчин возбуждала меньшее сожаление. Избиваемые на местах сразу, без проволочек, они страдали недолго, — но зато женщины, матери!.. Если ли на свете другие женщины, другие матери, которые перетерпели такие же муки, как они?! Смерть наступала для них только после жесточайших мучений, невыносимых лишений, бесконечных дней ужасов и волнений, когда без отдыха, без воды, без хлеба, под палящими лучами солнца, бесконечными караванами, подгоняемые ударами плетей сопровождавших их палачей, — они тянулись через пустыни Анатолии, усеянные их трупами и трупиками их детей. Молодые и красивые были избавлены от этой участи, предназначаясь в гаремы или в места более худшие. Действительно, с самого начала трагедии везде в Малой Азии у городских ворот стали устраивать привлекавшие множество покупателей невольничьи рынки, на которых продавали женщин, девушек и детей, захваченных в пути курдскими или турецкими бандами.

* * *

Вот что сообщал в своем официальном донесении от 11 июня 1915 г. американский консул в Харберде: «В первых числах июля в Харберд прибыли первые партии ссыльных из Эрзерума и Эрзинджана — в отрепьях, изголодавшиеся, больные. Они пробыли в пути около двух месяцев почти без пищи и без воды. Им дали сена, как скотам, они так изголодались, что с жадностью бросились на этот корм; но загнили отогнали их ударами палок, положив при этом несколько человек на месте. Матери предлагали своих детей всем желающим. Турки прислали докторов для производства медицинского осмотра молодым девушкам, чтобы забрать затем из них наиболее красивых для гаремов.

По рассказам этих несчастных, большинство из них было убито в пути курдами, делавшими на них постоянные набеги, а многие погибли от голода и истощения.

После первых партий через два дня прибыли новые. Среди этих ссыльных были три сестры, говорившие по-английски и принадлежавшие к одному из наиболее состоятельных семейств Эрзерума. Из двадцати пяти членов этой семьи одиннадцать было убито в пути, а самым старшим из оставшихся в живых ее мужских представителей был восьмилетний мальчик. При выступлении из Эрзерума у ссыльных были и лошади, и багаж, и деньги. Но в дороге все это у них отняли; отняли даже одежду, бывшую на них, — одна из девушек была совершенно голая. Дочь эрзерумского протестантского пастора также была в этой партии. Все члены ее семьи были убиты курдскими бандами, поджидавшими ссыльных на пути, чтобы сначала кончить с мужчинами, а потом перебить женщин и детей.

Одна молодая армянка, спасаясь от гибели, рассказала мне о своих страданиях и страданиях ее спутниц. Захваченная одним из курдов — она была красива, — она видела, как ее похититель у нее же на глазах испрошил ее детей. Еще не пришедшая в себя от отчаяния, ужасов и страха, прерывающимся от рыданий голосом она рассказывала мне о невыразимых жестокостях. Она видела среди ссыльных своего каравана смерти одну мать с шестью детьми. Несчастливая, изнемогшая от усталости, двоих из них несла на руках, а остальные четверо тащились за нею, держась за подол платья. Один из них, с ножками в крови, не в силах был идти дальше, он упал; мать остановилась над ним, но тут ужасный удар плетью рассек ей лицо, и палачи, продолжая стегать ее, заставили несчастную идти дальше, бросив своего ребенка, который, конечно, и умер там, где упал. Медленно двигался караван, но вдруг крики ужаса и страданий и безудержное бегство!.. Сзади банда курдов, спу-

стившаяся с гор, открыла огонь... Жертвы падали и падали, — и караван, увлекаемый ужасом, бежит... Потом опять все успокаивается и медленно влачится своим крестным путем. При переходах через реки одни из матерей вместе со своими детьми бросаются в воду, а другие, обезумев от мук, душат сами своих малюток, и, чуть показываются курды, все они, а также и молодые девушки убивают себя, чтоб избежать бесчестия... Так проходит караван, обезумевший от ужаса, волнений, мук усталости и голода по пустынным горам и безлюдным равнинам.

* * *

Я не могу решить, в этом сплошном ужасе, которому нет имени, какие из сцен бойни и садизма выбрать, чтобы дать полное представление об ужасающем мученичестве армянского народа.

Избивая, душа, вспарывая животы и насилая, турки и курды скоро пресытились этим.

Тогда они стали изощряться, изобретая адские пытки, чтобы прежде тела истерзать душу своих жертв. И страшные сцены развертывались без конца. Пред матерями, выстроенными в ряд, принуждая их смотреть, — они потрошат детей, которых затем развешивают по стенам, как кровавые туши в лавках мясников, — а затем ударами плетей гонят несчастных женщин, стонущих и рыдающих от ужаса, дальше — между тем как еще трепещущие тельца их малюток остаются в добычу ястребам.

* * *

Другой способ — потопление.

На горячих прибрежных песках Евфрата жметя к воде партия ссыльных — большей частью женщин.

Издерганные, разбитые, полумертвые, они ждут, когда их стражники при помощи плотов, которые стоят тут же на мели, устроят через реку переправу. Из рядов их слышится тихий жалобный ропот, к которому примешиваются предсмертные стенания, стоны и плач детей.

Подходит турецкий офицер. Он отдает жандармам короткий приказ:

— Соберите детей!

Матери, еще и не зная, что хотят делать турки, начинают сейчас же отчаянно кричать, умоляя, прижимают к себе малюток, которых держат на руках, но жандармы вырывают у них детей и грузят их на плоты из бревен, связанных веревками.

— Резать веревки! — приказывает хладнокровно турецкий офицер.

Жандармы исполняют приказание и разрезают связывающие бревна веревки, а затем выталкивают плоты на самую быстрину, где они расплзаются, расходятся под ногами детей. Матери, потеряв голову от ужаса, вопят. Тоненькие, жалобные голоса зовут на помощь, — но вскоре замолкают... Но вот те же волны, которые разнесли плоты, прибывают несколько таких бревен с уцепившимися за них детьми к берегу. Жандармы ружьями снова выталкивают их на середину. Малютки протягивают ручонки к своим матерям, скользят, падают в воду, и бездна поглощает их. И вскоре на поверхности Евфрата виднеется только несколько деревянных обломков, уносимых течением.

Края ужаса

Июль 1916 г.

Кто ни проезжает сейчас по опустошенной Армении не может не содрогаться, так необычайно много

говорят эти бесконечные дали развалин и смерти. Нет ни одного дерева, ни одного утеса, ни одного клочка мха, который не был бы свидетелем избиений человека, который не был бы осквернен потоками пролитой крови. Нет ни одного протока, реки или речки, которая не несла бы к вечному забвению сотни, тысячи мертвых тел. Нет ни одной пропасти, ни одного ущелья, которые не были бы могилами под открытым небом, в глубине которых не белели бы открытые груды скелетов, так как почти нигде убийцы не дали себе ни времени, ни труда хоронить своих жертв.

В этих обширных областях, когда-то оживленных цветущими армянскими поселениями, царствуют сегодня разорение и безлюдье.

В областях, остающихся еще турецкими, истребление армянского населения было, кажется, еще полнее и велось еще систематичнее, чем в районах, прилегающих к кавказской границе, — там у палачей было время действовать на свободе, Харберд — пример этому.

«В Харберде, — пишет названный уже мною американский консул этого города, — высылка началась арестом нескольких тысяч мужчин. Ночью они были отведены в соседние горы. В их числе были один армянский прелат, профессора армянского института и городские нотабли, а также все солдаты-армяне и все мужчины, подлежавшие призыву, но уплатившие налог за освобождение... Ни один из них не вернулся.

15 июля утром задержали еще восемьсот человек. А на следующий день они также были отправлены в безлюдные горные районы. Там, связанные партиями по четырнадцать человек, — столько позволяла длина веревки — они были расстреляны.

В одном из соседних селений другая партия армян была заперта в мечети и окружающих домах. Там они оставались три дня без питья и пищи, после чего

их отвели в ближнюю долину, поставили там около гряды скал и расстреляли. Дышавших еще после расстрела прикололи штыками или прирезали кинжалами».

Никакого обвинения не было предъявлено ко всем этим людям, и казни их не предшествовал никакой суд. В числе этих жертв был и казначей американского училища.

10 июля на расстоянии двух часов ходьбы от города вновь избили несколько сот армян.

Такие же казни происходили и во всех окрестных селениях — так, в Этшмэ и Габрере убито триста человек...

* * *

Эти варварские казни сопровождались обыкновенно бесчеловечными изощрениями в жестокости. Так, по дороге из Сиваса в Харберд — этой дорогой прошло в ссылку около полумиллиона армян — турецкие офицеры приказали отделить женщин от мужчин. Пораженные ужасом женщины были сведены в одну группу, а в нескольких шагах от них построили в шеренгу мужчин, связанных друг с другом веревками. Делалось все это не спеша, методично, в то время как офицеры курили спокойно папиросы, болтали с женщинами, обнимая наиболее красивых из этих несчастных, которые, боясь как бы жестом негодования, отвращения или возмущения не вызвать смерти или мужа, или брата, или отца, выражали полную покорность... Вдруг один из офицеров отдал приказ. Один жандарм из эскорта — всего один — зарядил ружье, стал на конце мужской шеренги, прицелился и выстрелил... Один армянин упал... Жандарм зарядил снова и снова выстрелил... Женщины в страхе начали голосить, а пораженные ужасом мужчины

считали выстрелы, которые убивали их один за другим. Когда упал последний, — жандармы ударами плетей собрали женщин и погнали их дальше. Тех, которые отказывались идти, убивали на месте... А караван шел дальше, оставив на дороге ряд жертв, из которых некоторые трепетали еще в предсмертных судорогах.

* * *

Эта дорога от Сиваса до Харберда была ареной таких гекатомб, что путешественники, проезжавшие по ней последним летом, называли ее «адам разложения». Не было возможности остановиться, чтобы напоить лошадей. Невыразимое зловоние шло от тысяч непогребенных трупов. Все было заражено, и вода в реках, и даже колодцы. В настоящее время во всем этом районе человеческих черепов так много, что путешественнику издали кажется, что пред ним огромный баштан спелых арбузов.

* * *

В Битлисском, Мушском и Сасунском округах, где жило около 150 тыс. армян, — теперь их нет и десяти тысяч, да и то это главным образом женщины и дети, нищенское положение которых плачевно. Кроме того, осталось в живых и несколько мужчин, находящихся в рабском состоянии у курдов.

В Битлисе избиение началось только в июле 1915 года после временного отступления русских войск от Вана. В этом городе убийства носили периодический характер. Армян, бежавших в курдские или турецкие селения или в горы, партиями приводили в город, чтобы здесь перебить. Сначала ремесленники — карет-

ники, кузнецы, портные и сапожники, — в которых нуждалась турецкая армия, были пощажены, но за несколько дней до взятия Битлиса армянскими добровольцами и русскими солдатами все они были задушены.

И в этом районе также, во всех селениях, как и в самом Битлисе, находят множество человеческих костей и скелетов — это скелеты несчастных армянских жертв.

Почти все зерновые колодцы (в этих странах зерно сохраняется в глубоких ямах, вырытых в земле) полны до краев наваленными во множестве человеческими костями. Из 18 000 армян, живших в Битлисе, осталось в живых около 300—400 женщин и детей, и все они обращены в ислам.

* * *

В цветущей долине Муша, тянущейся на северо-запад между высокими склонами Таврских и Сасунских гор, армянские селения насчитывались сотнями. Тут разыгрались сцены дьявольской жестокости. Организатором их был старый атаман курдских бандитов Мусса-бек, пользующийся кровавою известностью еще со времен Абдул-Гамида, бесчисленные преступления которого остаются всегда безнаказанными. Ему помогал внук, юноша едва 16 лет, тот самый, который при помощи курдской кавалерии сгнал в Авзуд под предлогом высылки 8000 армян и там часть их перебил, а часть сжег живыми.

* * *

Некоторые мусульмане сами признают, что преступления турецкого правительства не имеют оправдания.

Они говорят, что ни Коран, ни шариат не допускают таких злодейств и что рано или поздно Небо покарает Турцию.

Знаменательный случай на этот счет произошел в селении Авзуд. В тот момент, когда «четы», отобрав предварительно самых красивых и молодых армянок, заперли по приказу Мусса-бека всех остальных вместе с их детьми в одном из домов селения и готовились поджечь этот дом, — в этот момент вмешался в дело один мулла (священник).

«Нет ни одной религии — мусульманской или христианской, — которая разрешала бы сжигать живыми женщин и детей!» — энергично заявил он и, уверенный, что помешает злодейству, заперся в доме вместе с обреченными. Но «четы», только рассмеявшись в ответ, подожгли дом, и мулла погиб в огне вместе с несчастными, которых он хотел спасти.

* * *

Те же банды Мусса-бека перебили всех армян, которые, бросив свои селения, бежали в Сасунские горы, но, обманутые турецкими властями, соучастниками бандитов, спустились с этих гор в долину, поверив подложному объявлению об общей амнистии.

Эти банды не пощадили в Муше даже тех сирот, которые нашли приют в европейских и американских учреждениях, — их было триста, и все они были перебиты.

* * *

В Кайсарие высылке предшествовала казнь восьмидесяти армянских нотаблей, которые были повешены. В их числе был и депутат турецкого парламента Амбарцум Бояджян.

* * *

Из пяти тысяч армян, живших в Авларе, епископ Теодорос и десять священников были убиты, восемьсот армян-грегориан были высланы и по пути перебиты. Затем наступил черед и армян-католиков. Их сослали в Конию, но не избили. После всех были отправлены в ссылку женщины и дети. Их погрузили в товарные вагоны и целую неделю держали на станции, не давая никакой пищи. Когда, наконец, после этой адской пытки, поезд тронулся, — большинство из них было мертво.

* * *

Армяне Смирны и Константинополя как будто избежали почти избиения. В Константинополе было так благодаря, я думаю, их многочисленности — до 150 000 человек — а также благодаря, несомненно, присутствию в Константинополе представителей нейтральных стран.

В Эрзинджане

Август 1916 г.

Взятие Эрзинджана нашими русскими союзниками позволило мне проверить еще раз все трагические подробности, о которых я говорил в предыдущих главах.

В этом городе, расположенном в зеленеющей долине длиной в двадцать — двадцать пять верст, окруженной высокими горами, насчитывалось три тысячи армянских домов, шесть тысяч турецких и двадцать пять греческих. Между тем русские, вступив в Эрзинджан, нашли там не больше дюжины армянок, ко-

торые, воспользовавшись паникой, царившей среди турок, бежали из гаремов, где их держали взаперти.

Все, что рассказали они о своих собственных мучениях и о бойне, в которой погибли почти все их родственники, подтвердило то, о чем я уже говорил, — но одно ужасное зрелище еще более всех трагических рассказов дало возможность судить о беспредельности жестокостей, совершенных турецкими властями.

Это зрелище — те человеческие костяки, теперь уже побелевшие от времени, тысячи которых можно еще видеть в долине и по склонам окружающих ее гор. Это останки тех несчастных изгнанников из Эрзерума, Харберд, Байбурта и других мест, которые в июне 1915 г. под предлогом высылки в Месопотамию были перебиты в огромном количестве в окрестностях Эрзинджана. Здесь же был убит и армянский епископ Эрзерума Смбат Саадетян, о судьбе которого, во время моих расследований в самом Эрзеруме, я ничего не мог узнать.

* * *

Префект полиции города Мемдух-бей так чисто обобрал армян, перед тем как приказать их перебить, что разбогател сразу на 50 000 турецких фунтов (около 1 250 000 франков).

Чтобы наградить этого префекта за усердие, турецкое правительство назначило его губернатором Кастемонии.

* * *

Очень много курдов осталось в Эрзинджане, но это так называемые «кизил-баши», поселения которых рассеяны в области между Мамахатуном, Арабкиром и Харбердом с городом Дерсим (Хозат), как

ядром расселения. Эти курды по своим умственным способностям совсем не похожи на курдов Битлисского и Мушского районов. Они глубоко ненавидели турок и во время русского наступления подняли оружие и своими непрерывными партизанскими набегами основательно мешали турецкой армии, портя дороги, расстраивая службу тыла и, наконец, нанося туркам чувствительные потери. Курды, кизил-баши, спасли очень много армянских семей, которые нашли себе в их селениях неожиданное убежище.

Я должен отметить также, что и греки в Эрзинджане, несмотря на свою малочисленность и опасность, которая грозила им со стороны турок, тоже укрыли у себя несколько армянских женщин и детей, которые благодаря этому и спаслись от своих палачей.

Трогательный призыв

Август 1916 г.

В разных районах известное число армянских селений избежало истребления, благодаря неожиданной помощи со стороны некоторых курдских племен, проявивших по отношению к ним, вместо присущей их расе обычной жестокости, человеческие чувства.

Но существование этих беженцев было и мучительно, и ненадежно. Голод терзал их, а турецкое правительство все усиливало и усиливало соблазны, искушая их спасителей или выдать армян, или перебить, но курды от всего упорно отказывались. Подтверждение всему этому я нашел в одном душе раздиравшем письме, в котором часть таких несчастных, скрывавшаяся в горах уже долгие месяцы, умоляла о помощи командующего русскими войсками, занимавшими Битлис. Принес письмо армян один из покровительствовавших им курдов. Вот это письмо: «Мы,

нижеподписавшиеся, избегнув избиений и сожжения, находимся одиннадцать месяцев в горах у аширатов (один из курдских родов), где, почти нагие, живем мы, голодая, в ужасной нищете. Тем, что мы еще живы, мы обязаны этим курдам, которые пренебрегли всеми опасностями, чтобы спасти нас. Действительно, когда турецкое правительство узнало о нашем бегстве, оно послало к курдским «ага» чиновников и заптивев, чтобы склонить их или убить, или выдать нас. «Ага» отказали. Тогда к нам были посланы муллы и шейхи, которые, основываясь на Коране, также советовали нашим защитникам убить нас, — но и они успеха не имели. Видя, что все приказы и советы бесполезны, турецкие власти собрали около тысячи курдов из других родов и, поставив во главе их жандармов, отправили на наших упорствовавших покровителей. Но и на этот раз «ага» аширатов — один из которых Махамет-ага и доставит это письмо — не уступили угрозам. Начался бой, и нам вместе с аширатами удалось оттеснить наших врагов. Тем не менее взоры устремив в даль, все мы с беспокойством ждали вашего появления (появления русских войск и армянодобровольцев). Вот уже два месяца, как вы взяли Битлис, а мы все-таки умираем с голода и не можем дойти до вас. Нужно, чтобы вы продвинулись вперед еще на расстояние десяти—двенадцати часов хода, тогда мы будем в состоянии присоединиться к вам.

Голод — ужасен. У самих курдов нет больше хлеба, а потому и нам давать его они не могут. Мы организовали единственную в своем роде службу, состоящую в том, что наиболее изнуренных из нас мы носим на своих плечах по селениям в поисках за маленьким кусочком хлеба «гельгель», но поиски наши всегда тщетны.

Благотворительность иссякла. Ни у кого ничего нет, чтобы дать нам. Особенно ужасно видеть страдания маленьких детей — этих малюток, умирающих с криками голода.

Теперь отец и сын, мать и ее ребенок, брат и сестра бросают друг друга. Каждый, думая только о своем собственном спасении, для самого себя только ищет куска хлеба, которого не находит. В таком критическом положении мы решили отправить к Вашему Превосходительству двух делегатов, — из которых один, Махамед-ага, тот, кому мы обязаны, повторяем, спасением от злобы и ятаганов турецкого правительства и курдов, а другой армянин Аракел Аветисян, — с тем, чтобы просить Вас ради наших малюток оказать нам помощь, которая утолит голод и даст возможность присоединиться к Вам с нашими семьями.

В продолжении одиннадцати месяцев переживаемых нами мучений нас поддерживала единственная надежда увидеть, наконец, вступление сюда Ваших победоносных войск. Мы просим Вас принять Махаммеда-агу с большим почтением, почестями и подарками, так как иначе нам угрожает избиение, — «ага» действительно надеются получить за свое поведение в отношении к нам награду. Знайте, что Махаммед-ага дал приют в своей семье семейству своего спутника Аветисяна из двенадцати душ, которых он кормил на свой счет, распродав для этого все свое добро, и, таким образом, в настоящее время он находится в таком же бедственном положении, как и мы. Вот список наших семей, спасенных этими курдами, с указанием наших селений: 60 семей из селения Гаркю, 50 — из с. Селенд, 55 — из с. Зердо, 30 — из с. Ардер, более 100 семей из с.с. Храрк, Дзрдут и Дзуман и 45 — из Гутцгед.

Кроме этого 400 семей из селения Хацо спасены также и нашли приют в курдском поселении Асси, жители которого отнеслись к ним с той же человечностью, какую проявили в отношении нас Махаммед-ага и его близкие.

Известное число армян нашло убежище в селениях, отстоящих от нашего в двух—трех днях пути.

Кончаем наше письмо, желаем Вам от всей души победы.

От имени армян селения Хацо и селений, поименованных выше, подписываемся: Богхан Саркисян, Петрос Азатян, Эко Кикоян, Оган Таноян и Его Преподобие от. Мано Авакян.

Гаркхо 11/12 апреля 1916 г.».

Оказавшие сопротивление душегубам. Восстание обреченных

Армян часто упрекают, что они никогда не могли ни организовать, ни объединиться, чтобы защитить себя от беспощадных палачей и свергнуть, наконец, турецкое иго, угнетающее их так жестоко вот уже сколько веков. Действительно, почему это так, — в то время как балканские народы, один за другим, некоторые, как, например, сербы, своими собственными средствами, другие при помощи иностранцев, возвращали себе независимость, — почему армяне даже не пытались отвоевать назад, восстав, как один, ту самую свободу, которую они провозглашают как высшее благо? Почему? Вопрос этот сложен. Как бы то ни было, надо, однако, отметить, что существуют и армяне (горных районов), для которых борьба с поработителями также не прекращается вот уже века. Всегда вооруженные, даже при работе в поле, всегда готовые к отпору, они живут в постоянной тревоге, не зная отдыха, вечно начеку, — героические и непокорные — борясь одновременно с лихоимством и жестокостью турецкой администрации и с беспрестанными набегами разбойников.

Но то, что возможно в горах или местностях, занятых почти исключительно армянскими поселениями, то немислимо в большей части остальной Армении.

Действительно, здесь почти повсюду, по всей шири огромной территории, лишенной путей сообщения, армянское население или смешано, или растворено в массе турок и курдов-мусульман, кочевников и хищников, естественных врагов армян — трудолюбивых и домовитых.

* * *

И такое распыление армян на территории, бывшей всегда их страной, где некогда они создали могущественную империю, — удивлять не должно.

Действительно, как далеко ни заглядывай мы в историю, Армения представляется нам всегда естественной ареной борьбы для всех окружавших ее или соседних с нею народов. Ее великолепные пастбища, ее плодороднейшие земли, которым Европа обязана изысканнейшими из своих плодов, испокон веков являлись предметом вождения для всех других народов, не столь щедро наделенных благами земными.

Славные династии царствовали здесь. Не говоря уже о временах легендарных, имена Аршака, Арташеса, Тиграна и Трдата не забыты до сих пор.

При императорах Армения — арена борьбы Рима с Парфией, а позже византийских базилиевсов с царями Персии. С этого же времени армяне переходят и в христианство, но воспринимают его, не раболепствуя перед официальным православием, чем и вызывают ряд отвратительных гонений.

Затем у Византии Армению оспаривают арабы, за ними сельджуки, потом монголы, татары и, наконец, турки.

Несмотря, однако, на такое тяжелое положение, Армения сохраняет свою политическую независимость до XIV века, когда под натиском мусульманских народов исчезает всякий след этой независимо-

сти вместе с последним царем Левоном VI, который, после бесплодных стараний найти помощь у других христиан, умер в 1391 г. в Париже. Положение армян-христиан становится отчаянным: гонения и избиения с этих пор уже не прекращаются.

Можно ли удивляться, что за время всех этих страшных событий победители укрепляются в стране, оставляя коренному населению только едва проходимые горы, где оно и может сохранять еще кое-какую независимость, тогда как в долинах его ждет безусловное рабство. Мало-помалу, однако, уцелевшие от гонений и избиений армяне начинают стремиться к объединению и достигают цели своей — в некоторых районах им удается составить большинство.

Так, кладется начало армянским общинам.

* * *

Но, несмотря на это, положение армян продолжает быть крайне печальным.

Вообще, история Армении, после утраты ею независимости, — это бесконечный мартиролог; даже в самое последнее время, даже в XIX веке, армянин является все еще жертвой произвола турецких губернаторов и чиновников.

Унизительное обращение, грабежи, похищения женщин, пожары, произвол, убийства — все это обычные явления для него.

И вот знакомые с жестокосердием турок — господ армян, зная как непрерывны и постоянны избиения, вынужденные, наконец, признать (это подтверждено и последними событиями) существование у турок заранее и зрело обдуманного плана поголовного истребления армян, — имеем ли мы право удивляться, что армяне не пытались ни разу поднять общее восстание для свержения с себя турецкого ига?

Для населения, разбросанного по всей стране и, надо сказать правду, веками гнета плохо подготовленного к энергичным и смелым выступлениям, — согласованные и общие действия немыслимы.

Однако повстанческие движения 1852 г. и 1894 — 1896 гг. еще не забыты, особенно последнее, которым руководило армянское юношество, сумевшее, несмотря на тиранию Абдул-Гамидовского режима, объединиться и организовать восстание в защиту прав униженного народа против систематического произвола правительства, а также, как это наблюдалось в некоторых местах, и для спасения населения от погромов.

* * *

После недавних избиений, и даже до них, как только стали известны варварские меры правительства, многие армянские общины пытались организовать сопротивление, но все их попытки, заранее и почти всюду обреченные на неуспех, ускоряли только в большинстве случаев гибель участников.

Так именно случилось в Марзване, где на сопротивление был один лишь намек, в Шапин-Гараисаре, где более энергичные усилия повстанцев были сломлены регулярными войсками, вызванными на помощь турецкому населению, в Урфе, где армяне вступили с погромщиками в настоящий бой и уступили только благодаря многочисленности посланных против них правительством войск. В Киликии повстанческое движение развернулось шире, несмотря на оппозицию со стороны еп. Саака, который, опасаясь за судьбу своей паствы, старался вместе с епископом Айнтапа успокоить волнение, давая при этом от имени правительства разные обещания, которые, само собой разумеется, никогда исполнены не были. Так,

например, неустрашимое население Чок-Марзвана, показавшее в 1895 г. истинную доблесть, теперь, поверив таким обещаниям, сопротивления не оказало и было все целиком отправлено в ссылку.

В Зейтуне восстание организовали молодые люди, которые, укрывшись в горах, победоносно отбили нападение целого турецкого полка, захватив при этом значительное количество оружия и боевых припасов. Беспрестанно нападая на своих угнетателей, они наносили им немалый урон. Им удавалось даже нападать на эскорты, сопровождающие ссыльных, разбивать их и освобождать последних. За что все соотечественники их, не взявшиеся за оружие, были отправлены в ссылку в гибельные болота Конии, на их же места поселили турок, и даже сам край утратил свое имя и стал называться впредь «Сулеймание».

* * *

Но в общем ссылки и избиения в Киликии были как будто не так жестоки, как в Великой Армении (происходившее в Зейтуне и Чок-Марзване — случаи единичные). Вообще, я должен сказать, что восставшие и укрывшиеся в горах пострадали меньше, чем население, проявившее покорность.

Интересен ответ Джемал-паши, командовавшего в то время войсками в Сирии, данный им одному армянскому епископу, умолявшему «дать хотя бы во имя Божие мертвым покой в могилах, а живым хлеба».

«Если бы друзья армян, — сказал Джемал-паша, — французы и англичане знали, что происходит в других армянских областях, и если бы они сравнили это с положением в Киликии, они благодарили бы меня».

Повстанцы горы Моисей

Особенно героическое и упорное сопротивление оказали душегубам в Киликии армяне, жившие близ Антиохийского залива.

Эпилогом этого сопротивления было спасение французским флотом в сентябре 1915 г. четырех тысяч восставших, нашедших себе убежище на горе Джебель-Муса, или Моисея, в сердцах которых вечная благодарность за это Франции.

* * *

Для армян Антиохийского залива присоединение Турции к центральным державам явилось началом целого ряда незаконных поборов всякого рода, завершившихся официальным извещением властей, расклеенным 13 июля 1915 г. по стенам во всех шести армянских селениях, призывавшим жителей быть готовыми через 8 дней отправиться в изгнание в Месопотамию. Исполнение этого приказа для всех явилось бы разорением, а для большинства — смертью.

Ужас охватил несчастных. Но, несмотря на то, что надежды на возможность успешного сопротивления властям ни у кого решительно не было, большинство решило не подчиниться варварскому приказу.

Меж тем сопротивляться в самом селении, расположенном на равнине, нечего было и думать. Тогда, собрав все продукты, какие только нашлись, восставшие — около пяти тысяч мужчин, женщин и детей — уводя с собой стада, ушли на широкую, скалистую вершину Джебель-Мусы — горы Моисея.

У них было в то время всего 120 винтовок нового образца и приблизительно трижды больше старых кремневых ружей и пистолетов.

* * *

Вот, со слов одного из них, пастора Тиграна Андreasяна, рассказ о героическом сопротивлении и о спасении их на борту «Guichen» в последнюю минуту, когда положение стало отчаянным.

Как только беглецы достигли вершины горы, тотчас же начали они работы по укреплению: прорыли, где позволяла почва, траншеи, а где нет, там настроили сильные баррикады, наваливая для этого обломки скал друг на друга. Эти работы заняли у них как раз те восемь дней, которые из милости дали им на приготовления к ссылке турецкие власти, узнавшие о решении и мятежных действиях их только 21 июня, когда и было начато на восставших первое наступление.

Но войска, думавшие покончить с мятежниками легко, были отброшены назад, понеся при этом чувствительные потери.

Тогда турецкие власти, призвав к оружию мусульман из окрестных селений, собрали настоящую армию силой в три тысячи солдат регулярных войск и четыре тысячи добровольцев, жаждавших резни. И вся эта внушительная сила появилась в одно прекрасное утро одновременно во всех горных проходах. Повстанцы защищались отчаянно, но разница в их вооружении и вооружении нападающих была слишком велика.

Мало-помалу турки продвинулись вперед, захватили высоты, и к закату солнца сражавшихся разделял один только овраг. Уверенные в победе, турки решили подождать рассвета, чтобы покончить с восставшими.

* * *

Казалось, всякая надежда на спасение для восставших потеряна. Тогда на последнем совете их вожд-

ди решили сделать отчаянный шаг: под покровом ночи ползком окружить позиции турок и захватить врага врасплох, открыв огонь со всех сторон и бросившись в общую атаку. Знание повстанцами местности, лесных тропинок, утесов и скал горы сделало возможным осуществление этого отчаянного плана. Без шума ползли они в темноте и, когда почти совсем окружили турок, бросились все на неприятельский стан.

Турки, среди глубокого сна захваченные врасплох этим неожиданным натиском, обратились в павальное бегство; наталкиваясь друг на друга в темноте и натыкаясь на скалы, они окончательно потеряли голову от противоречивых приказаний, выкрикиваемых офицерами, старавшимися собрать своих людей. Когда взошла заря, армяне насчитали на поле боя двести убитых турок и собрали значительную добычу — ружья и боевые припасы, что помогло им пополнить недостатки своего вооружения.

Между тем турецкие власти, не желая оставаться побежденными, призвали под ружье в течение последующих дней все мусульманское население окрестностей за несколько миль. Им удалось набрать таким образом орду в 15 000 человек, которой они и обложили с суши Джебель-Мусу, чтобы взять мятежников измором.

Со стороны моря гора не была обложена, так как крутизна склонов и отсутствие порта делали это невозможным.

Действительно, у осажденных вскоре осталось съестных припасов едва на двенадцать дней. Тогда они начали искать путь спасения со стороны моря.

Трем лучшим пловцам было приказано быть постоянно начеку и следить, не приближается ли к горе

какой-нибудь корабль; при виде приближающегося корабля они должны были броситься в море и стараться доставить на борт письмо, написанное в трех экземплярах, в котором восставшие герои «умоляли именем Бога и во имя братства всего человечества всякого англичанина, американца, француза, итальянца или русского — будь он адмирал, капитан или какой-нибудь другой начальник, — до которого дойдет их письмо, спасти их и перевезти на Кипр или на другую свободную землю».

Далее, объяснив, какая варварская пытка вынудила их восстать, и указав, что общее число их четыре тысячи, осажденные кончали свою просьбу так: «Если это слишком — просить вас спасти нас всех — то перевезите, по крайней мере, наших женщин, детей и стариков; а нам дайте оружие, боевые припасы и продовольствие, и мы изо всех наших сил будем биться вместе с вами против турок.

Умоляем вас, не теряйте времени, чтобы не стало поздно».

Но дни шли, а на горизонте все не было ни дыма ни паруса.

Между тем женщины смастерили два огромных белых флага. На одном из них написали:

«Христиане терпят бедствие. — Спасите нас!»

Другой имел посредине большой красный крест.

Оба флага прикрепили к вершинам двух самых высоких деревьев и поручили часовым от утренней зари до ночи не спускать с моря глаз.

Меж тем турки продолжали осаду Джебель-Мусы, производя атаку за атакой, но положение осажденных никогда уже не становилось таким отчаянным, каким было при первом столкновении так как теперь со своих господствующих позиций они

могли скатываться на врага вниз по склонам горы глыбы скал, причиняя этим ему существенный вред.

Однако боевые припасы все уменьшались, истощалось также и продовольствие, несмотря на сокращение рациона до *minimum'a*.

Это были дни и долгие ночи тревог.

* * *

Наконец, в воскресенье утром, на пятьдесят третий день сопротивления, осажденные увидели одного из дозорных, бегущего со всех ног и кричащего что есть силы:

«Корабль!.. Подходит военный корабль!.. Он заметил наш сигнал и отвечает нам».

Это и был французский корабль «Guichen». Пока с него спускали шлюпку, несколько повстанцев бросились в море и достигли судна вплавь.

Капитан попросил прислать к нему делегацию, чтобы точно установить число и действительное положение восставших, после чего по беспроволочному телеграфу он донес обо всем адмиралу, и спустя некоторое время к «Guichen» в сопровождении других французских судов и английского крейсера подошла «Жанна д'Арк». После посадки уцелевших повстанцев на суда — их оказалось 4 058 человек, — отнявшей некоторое время, через два дня все армяне были уже спасены и высажены в Порт-Саиде.

Героическое сопротивление Вана

Еще более серьезным, чем в Киликии, оказалось сопротивление в Великой Армении в Ване — городе с 30—40-тысячным населением, преимущественно армянским.

Вместе с армянами-добровольцами русской армии я ездил осматривать оставшиеся после этого памятного сопротивления развалины города. Панорама от Земзем-Магхор — великолепна. Огромные горные цепи Арноса, Ардоса, Керкура и Иегхерова заслоняют горизонт, а величественный Сипан вздымает свои вечные снега до самых туч.

От этих могучих громад местность незаметно, мягко переходит в большую равнину, где дремлют светлые воды прекрасного озера.

Под небом без единого пятна широкая долина, сбегая вниз от подошвы Варага, являет бесконечно разнообразную гармонию красок, в которой свет и тени, не поглощая друг друга, сливаются воедино, а зелень растворяется в золоте и багрянце, которыми солнце венчает роскошь здешней природы. Долина охватывает знаменитый утес, на вершине которого высится древняя крепость Семирамиды, и подходит к селению Ардаспед и к порту Аванц, прячущимся — и тот и другой — в куцах зелени.

«Ван на этом свете и рай на том», говорит армянская пословица. И в самом деле, — эта оправа из высоких гор, этот одинокий утес, отделяющий город от озера с кружевными, благодаря бесчисленным мыскам, берегами, эти окрестные селения, церкви, монастыри, прилепившиеся к соседним горным склонам, — все это дает чудесное целое, которое поражает и восхищает путешественника.

* * *

Ни один город у армян не пользуется такой славой, как Ван, который во все времена был для них и интеллектуальным, и артистическим, и коммерческим центром. Значением своим город этот, основанный, как говорят, Семирамидой, имя которой Ша-

мирам¹, он еще носит до сих пор, — обязан, главным образом, количеству и плотности местного армянского населения, численность которого до избиений, начатых по приказу Абдул-Гамида и продолжаемых курдами, доходила до 200 тыс. человек.

В 1914 г. Ван, казалось, оправился совершенно от своих недавних бедствий. Вали Таксин-паша восстановил в вилайете порядок и в отношении армян был всегда справедлив. С другой стороны, Константинополь, уступая, наконец, настояниям Франции, Англии и России, назначил двух генеральных инспекторов, которым и было поручено осуществление реформ. Французские, бельгийские и английские офицеры были назначены инспекторами турецкой жандармерии, и в Ване этот пост занял француз, капитан Марассе, заслуживший там очень скоро всеобщую симпатию. Армяне, спокойные за свое будущее, предприняли постройку целого ряда роскошных зданий, предназначенных под библиотеку, казино, театр и клуб. Были основаны школы: естественных наук, центральная и еще одна, названная по имени ее основателя школой Амбарцума Ерамяна, в которой преподавало двадцать профессоров, некоторые из которых получили научную подготовку в Европе.

Для молодых девушек существовала французская школа «Введения во храм», основанная сестрами-доминиканками; кроме того, была открыта второразрядная школа, при которой имелись музей и физическая лаборатория. Помимо этого по просьбе самих армян сестрами-доминиканками были основаны полные курсы французского языка и литературы, а глава американской миссии работал над преобразованием миссионерской школы в большой колледж.

¹ Еще и теперь можно видеть при входе в город памятник, в виде величественной сени, высеченной в скале, на которой видна длинная клинообразная надпись, относящаяся к той же эпохе.

* * *

Как мы видим, проекты, выработанные для развития образования, были великолепны. Вдруг, неожиданно, в конце июня 1914 г. турецкое правительство предложило генеральному инспектору норвежцу Хофу покинуть вилайет и возвратиться в Константинополь. Его отъезд совпал с прибытием в Эрзерум германского консула, последующий приезд которого в Ван послужил поводом для большого смотра, во время которого 12 000 турецких солдат, обученных по германскому уставу, проходили мимо него церемониальным маршем.

Несколько дней спустя после этого парада разразилась европейская война.

Тотчас же взамен Таксин-паши Ванским вали был назначен Джевдет-бей, beau-frère Энвера-паши, и ему было присвоено двойное звание: вали Вана и главнокомандующего турецкими войсками, расположенными вдоль персидской границы. С этого момента армянские комитеты, помня прошлое, начинают быть начеку.

Турция становится на сторону центральных империй и вступает в войну. Представители союзных держав покидают Ван, а 21 ноября 1914 г. турки изгоняют оттуда и членов французской миссии.

Наступает декабрь.

Многочисленные убийства в этом месяце и в январе 1915 г. заливают кровью самые дальние селения вилайета (смотри в «Приложении» события в Пелу и др.), в котором число жертв, убитых с неслыханной, утонченной жестокостью, насчитывается до 16 000 человек. «Расстреливали мужчин, мальчикам вспарывали животы, раздевали до нага женщин и девушек и голыми, как диких зверей, гнали в горы», так сообщал итальянский консул в Ване г. Сбордон в своем рапорте итальянскому послу в Петрограде 31 мая 1915 г. (смотри «Приложение»).

Меж тем, спасаясь от смерти и ища убежища в Ване, сюда пришли около 15 тысяч крестьян.

* * *

В это же время становится известным, что армяне-солдаты турецкой армии обезоружены, лишены одежды и пищи и подвергаются всевозможным гонениям. К тому же и Джевдет-бей, возвращаясь из Персии, где его армия разорила города Салмас, Хосров и Башкале и перебила жителей-христиан (смотри в «Приложении» рапорта итальянского консула), приказывает по пути расстрелять двенадцать солдат-армян из своего эскорта.

Армянские комитеты, вместо того чтобы побуждать армян сдавать свое оружие, как того требовали власти, спешат ввиду явной опасности образовать группы, каждая в двадцать хорошо вооруженных человек, для охраны общей безопасности и воспрепятствования туркам напасть врасплох.

Они решают также не давать новых контингентов солдат-армян оттоманской армии.

* * *

Джевдет-бей, вернувшийся в Ван в марте 1915 г., для успокоения населения не предпринимает решительно ничего. Наоборот, он пользуется вопросом о пополнении армии армянами, чтобы своей непримиримостью раздражить общественное мнение армян, надеясь довести их до восстания, которое и даст повод к резне. Напрасно духовные пастыри, руководители комитетов и городские нотабли предлагают все новые и новые полюбовные соглашения. Сегодня условия их приняты, завтра отвергнуты (смотри в

«Приложении» ноту, представленную 13 февраля 1915 г. в министерство внутренних дел в Константинополе депутатом от г. Вана). Переговоры тянутся, не приводя ни к чему, до середины апреля 1915 г.

* * *

Между тем Джевдет-бей торопится кончить. Он знает, что среди армянских руководителей есть трое особенно решительных, готовых предпринять и перенести все для спасения своего народа. Это Врамян — депутат оттоманского парламента от г. Вана, Ишхан и Арам. Все трое стоят во главе комитета партии «Дашнакцутюн». Джевдет-бей надеется, что раз армяне будут лишены этих руководителей, то гораздо легче попадут в его руки. И он решает избавиться от них.

В одном из окрестных Вану каймаканьиков, в Шатахе, происходит меж тем восстание, и вот Джевдет-бей предлагает Ишхану отправиться туда вместе с начальником полиции и успокоить волнения и этим предложением как бы оказывает Ишхану доверие. Ишхан, приняв предложение, выезжает. Но в тот же вечер, во время обеда, выстрелом почти в упор он убит, а днем вали просит Врамяна и Арама зайти к нему, «чтобы услышать их мнение», — велит он передать — «относительно одного очень важного вопроса». Врамян, ничего не подозревая, отправляется к вали. Едва успевает он присесть в кабинете Джевдет-бея, как тот объявляет ему, что он арестован¹.

Арам, к счастью, запоздавший по какой-то пустячной причине, идет также на свидание к вали, но по пути его предупреждают о судьбе Врамяна, и он поворачивает назад.

¹ Окончательная судьба его неизвестна, но все заставляет предполагать, что он был убит, а его труп был брошен в озеро Ван.

Вскоре он принимает на себя руководство вооруженным восстанием.

Вражда загорается.

* * *

Начало борьбы было положено 13 апреля дерзкой выходкой турецких солдат, которые пытаются изнасиловать идущих на базар женщин. Безобразия происходят под окнами американской и германской миссий. Так как за женщин вступаются армяне-мужчины, солдаты открывают из соседних казарм огонь по всем идущим мимо.

А скоро начало осады возвещают и пушки. Турки занимают сильные позиции; на их стороне превосходство в вооружении и снаряжении и свобода сообщения по озеру. Но сопротивление, оказываемое армянами, превосходно. Четыреста—пятьсот армянских домов «города»¹ являют пример доблести и под орудиями цитадели, засыпающими их снарядами, упорно остаются верными национальному делу. Среди армян образуется свой главный штаб, формируют-

¹ Ван делится на три части: «город», «порт» и «сады». Узкий болотистый пляж, среди которого высится гигантский утес с развалинами древней крепости, отделяет «город» от озера. В этой части Вана находятся правительственный дворец, или Сераль, судебные и административные учреждения: почта, телеграф, «Dette pullique», банки, акцизное управление и т. п., а также группа в четыреста—пятьсот армянских домов. «Порт» — это селение, являющееся предместьем «города», в котором живут судовщики, обслуживающие местности, окружающие озеро. Длинный и широкий проспект с полями, фруктовыми садами и домами, принадлежащими мусульманам, по сторонам, соединяет «город» с «садами», у входа в которые находится базар Хач-Похоц. Отсюда начинаются чисто армянские кварталы, пересеченные широкими улицами с канавами по сторонам, утопающие в тени тополей и верб.

Турки построили в Ване две казармы. Одну, большую, в самом центре армянского квартала, около Хач-Похоца, а другую, меньшую по размерам, на одной из командующих над городом высот.

ся различные кадры, инженерный отряд, батальон стрелков, полиция, перевязочные пункты и госпиталь. Роятся траншеи, воздвигаются баррикады и строятся укрепления при входе в армянские кварталы. Армяне занимают позиции всюду против позиций турок.

* * *

Осада Вана продолжалась месяц. Накануне дня ее начала все чиновники-армяне и нотабли «каз», или уездов вилайета, были расстреляны. Раз начатая бомбардировка почти что не прекращалась, и турки выказали такое ожесточение, что, согласно цифр, приводимых итальянским консулом в его рапорте, они выпустили по «городу» 10 000, а по «садам» 6 000 снарядов.

На Земзем-Магхор, занимающем над «городом» господствующее положение, я слушаю, как спутники мои, армяне-добровольцы русской армии, делятся эпическими переживаниями этой осады, о которой еще можно прочесть по письмам, начертанным на самой земле. Вот траншеи, вырытые под ураганом турецких пуль, все еще окружающие армянский квартал; вот укрепления, которые ежедневно разрушались совершенно оттоманскими орудиями и каждую ночь возрождались вновь и вновь неприступные; вот турецкие казармы, взятые при бешеных атаках приступом; вот редуты, где под визг вражеской картечи оркестр армян-школьников — все дети от тринадцати до шестнадцати лет — в самый разгар боя играл, не переставая, так стройно, что выведенный из себя Джевдет-бей не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Они доведут меня до бешенства своей музыкой».

* * *

Борьба была ожесточенная. Наиболее важные позиции во время отчаянных атак переходили из рук в руки. Повсюду вспыхивали пожары. Огонь турок не затихал ни на минуту, но достичь какого-либо перевеса им так и не удавалось. В первые дни мая принять командование над турками прибыл германский офицер. Он собрал все орудия на одной из высот с целью действительней прикрывать огнем своих солдат, которых в одну из темных ночей ползком за завесой из снарядов и направил вперед, а затем стремительно бросил в атаку. Но армяне были начеку. Победоносно отбросили они врага назад, и тот поспешно отступил, оставив на месте боя множество трупов. «Я не ждал такого сопротивления», — признался германский офицер, покинувший Ван спустя два дня после своей неудачи.

* * *

К несчастью, съестные припасы быстро истощались, а на пополнение их рассчитывать было невозможно. Тем не менее выслать из города 15—20 тысяч крестьян вилайета, нашедших здесь себе убежище, не хотели, так как это было равносильно обречению их на смерть.

Между тем комитеты поддерживали стойкость населения обещаниями скорого прибытия русской армии. Но время шло, а положение осажденных с каждым днем становилось все более и более шатким.

И вот однажды вечером, наконец, пришло известие о вступлении в Сераль, находящийся едва ли в тридцати километрах от Вана, отряда армян-добровольцев — авангарда русских войск. Это было спасе-

нием. Радость охватила всех. На улицах все обнимались и целовались. И помощь являлась как раз вовремя, так как запасы хлеба и боевых припасов окончательно иссякли.

В оттоманском лагере Джевдет-бей 16 мая получил от каймакана официальное извещение о приближении русских. Тотчас же он со своими чиновниками сел на суда, стоящие в порту. Начался развал. Бегство турок было беспорядочное, почти паническое. Солдаты, занимавшие дом отцов-доминиканцев, бежали так поспешно, что даже оставили на огне готовившийся обед.

* * *

Авангард русской армии вступил в Ван на пятый день после ухода турок. Его встретили торжественно все нотабли города; молодые девушки подносили букеты цветов, а школьный оркестр играл во главе всей процессии под радостные клики населения и добровольцев.

* * *

В то время, как я слушаю эти рассказы, развалины Вана блестят под лучами жгучего солнца, зажигающего золотые огни там, на выступах скалы Семирамиды, — где, как этого хочет легенда, тщеславная царица все ждет еще воскресения Ара Прекрасного, овладевшего ее сердцем, который, отвергнув и ее руку, и ее трон, остался верен своей родине и умер, ее защищая. Она все ждет, что Лецк — утес, возвышающийся над заливом и в течение веков служащий таинственной гробницей армянского монарха этой ро-

мантической эпопеи — отдаст ей того, кого она любит до сих пор¹.

Ван и вся страна в развалинах — но эту роскошную природу, можно ли опустошить ее навеки?

Армяне-добровольцы

Этот очерк о сопротивлении, оказанном душегубам, был бы не полон, если бы я не сказал ничего об армянах-добровольцах, которые в течение войны вступили в ряды разных союзных армий, преимущественно русской.

Уже с первых дней европейской войны, еще до вмешательства в нее Турции, агенты турецкого правительства в Эрзеруме и Ване завязали переговоры с представителями армянской партии «Дашнакцутюн», имея в виду предложить им организовать отряд армян-добровольцев, который они рассчитывали пустить в дело в предполагавшейся ими войне с Россией. Наджи-бей и Шукри-бей, делегаты комитета «Единение и Прогресс», взявшие на себя эту миссию, заявили представителям армян: «Помогите нам, организуйте добровольческие дружины, стараясь в то же время вызвать восстание среди армян на Кавказе, и в тот день, когда мы выгоним оттуда русских, мы дадим вам автономию, о которой вы так давно мечтаете».

Армянские делегаты на эти коварные обещания ответили категорическим отказом. Они старались даже отговорить самих турок от вмешательства в войну, которая, говорили они, будет во всех случаях

¹ Семирамида отправила в Армению свои войска, чтобы захватить этого царя, не поддававшегося ее любви. Ара Прекрасный, в одежде простого солдата, сражался в рядах своей армии и был убит. Обезумев от горя, Семирамида приказала перенести его тело к богам (Лецк), но те не могли вернуть жизнь царю Армении. Его сын наследовал трон Армении, которую Семирамида, несмотря на все свое могущество, покорить не могла.

гибельна для Турции. Таково было их убеждение. Как всегда, с обычной искренностью они прибавляли: «Если Турция вмешается в спор — армяне честно исполнят свой долг, но исполнят его на обеих сторонах границы в отношении обоих правительств: в Турции в рядах турецкой армии, а на Кавказе в рядах русской». Этот ответ совсем не понравился турецким делегатам, для которых война с Россией была вопросом решенным.

* * *

Вскоре в Турции была объявлена мобилизация, и одновременно с призывом в строй армянского юношества начались под предлогом реквизиции конфискация имущества, грабеж армянских магазинов, захват скота — словом, разорение армянского коммерсанта, ремесленника и крестьянина, которые, однако, честно исполняли свой долг в рядах армии. (Само собой разумеется, были дезертиры и среди армян, но и мусульмане дезертировали не меньше.)

Скоро турецкие власти перешли к системе гонений, затем — ссылок и избиений. Конечно, турецкие армяне прекрасно отдавали себе отчет, что только победа союзников может принести армянскому народу мир и свободу. Тем не менее — я повторяю — армяне ничем и ни в чем не выявили своих симпатий.

Зато среди русских армян и в Европе объявление русско-турецкой войны вызвало необычайный восторг. Был организован ряд митингов, на которых армянские патриоты дали волю своим пламенным чувствам в отношении союзников.

Сотни молодых людей (студентов и других) в Париже и Марселе, например, вступили добровольцами во французскую армию и впоследствии многие из них отличились своею храбростью.

Было много записей в добровольцы и в английской армии, но исключительной силы достиг энтузиазм к делу союзников среди русских армян.

Предвидя объявление Турцией войны, наместник Кавказа Воронцов-Дашков предложил известным армянским деятелям на случай войны с Турцией организовать отряд добровольцев. За это он обещал осуществление после победы в Турецкой Армении проекта реформ, представленного в 1913 г. Россией. Задача армянских нотаблей в России была легка, так как она соответствовала стремлениям всех армян Кавказа числом около двух миллионов, которые уже четверть века помогали своим братьям в Турции. Энтузиазм был так велик, что еще до окончания этих переговоров партии добровольцев являлись по своей собственной инициативе в Карс и Сарикамыш и просили разрешения присоединиться к русским отрядам.

* * *

Чтобы дать правильное направление этому патристическому движению и централизовать все оттенки общественного мнения армян, было учреждено в Тифлисе «Армянское национальное бюро».

Бюро это вызвало известных вождей: Андраника, Кери, Дро, Амазаспа и др. бойцов, испытанных в борьбе, которая велась в Армении против тирании Абдул-Гамида уже более четверти века. Из них самым знаменитым и самым популярным был Андраник.

Все армянское население Кавказа спешило оказать содействие людьми и деньгами этому движению, направленному к национальному освобождению.

Русское правительство ограничило число армян-добровольцев приблизительно семью тысячами. (Я не говорю о ста пятидесяти тысячах солдат-армян, находившихся в русской армии.)

* * *

Первый отряд добровольцев под командой Андраника был отправлен на персидский фронт, второй под командой Дро — на Баязет, третий во главе с Амазаспом — на Кагызман и четвертый под командой Кери выступил на Ольты.

Кавказские и русские газеты давали отчет о действиях армян-добровольцев, которые своей храбростью, своим знанием местности и врага явились для русской армии в начале турецкой кампании драгоценными помощниками.

Скоро имена Андраника и Кери — легендарные среди армян — стали знаменитыми также и среди русских.

Отряд Кери действовал в исключительно тяжелых условиях за Сарикамышом, где он способствовал русской победе в трагические дни 1914 г., когда турки, перейдя большими силами границу Кавказа, угрожали Тифлису и всей Русской Армении. В этой дерзкой попытке, кончившейся разгромом турецкой армии, Кери и его добровольцы сыграли значительную роль.

В апреле 1915 г. три отряда Кери, Амазаспа и Дро, объединенные под начальством Вардана — армянского вождя высокой доблести, — выступили на Ван, где, как мы видели, армянское население, под угрозой истребления, окопалось в своих кварталах и выдерживало героическую осаду.

Когда армяне-добровольцы в числе трех тысяч подошли к стенам Вана — турки бежали. И 6 мая 1915 г. русская армия, предшествуемая армянским отрядом, торжественно вступила в Ван.

Кери, Дро и Амазасп разделились тогда, и каждый со своим отрядом стал продолжать бить курдов. Таким образом они освободили почти весь Ванский вилайет.

Затем Дро пошел на Муш. Со своим отрядом он первым вступил в Хныс-Калу и одержал значительную победу в долине Муша.

Два месяца спустя после этого отряд Андраника отличился также в серьезных боях против армии Халил-бея под Дильманом на русско-персидской границе.

Около этого времени с разрешения русского правительства был сформирован пятый отряд армян-добровольцев под командой Ишхана — одного из старейших армянских бойцов.

Я не имею намерения входить в детали всех боев, в которых принимали участие добровольческие отряды, но все же считаю долгом отметить еще героическую борьбу Андраника и его отряда около Битлиса, в который армяне-добровольцы вступили первыми, и героическую смерть Кері у Ревандуза в тот момент, когда во главе своего отряда он шел победоносно на приступ.

* * *

В Государственной Думе Сазонов торжественно воздал должное и армянам-добровольцам и армянскому народу за проявленное ими чувство самопожертвования.

Армянские дети.

Бродячие дети

Колеса по горам и долам страдалицы Армении, которую теперь освобождают русские войска, я не только собрал множество рассказов об ужасах и смерти, не только нашел следы множества кровавых драм, — я видел еще здесь, в этой стране, как бы

отброшенной назад в глубь Средних веков, мучительно-странное зрелище, которое приводит на память и воскрешает самые необычайные, самые трагические легенды Средних веков, когда крохотные созданыца на слабеньких еще ножках, едва начинавшие лепетать, шли одни в этот мир разочарований и мук!

Армянские дети!.. Я уже говорил, какова была судьба тех, которые, избежав смерти, остались — бедные крошки-бездомники — в руках палачей их родителей: турки раздали их по мусульманским семьям, где все было чуждо и враждебно им, а курды увели их с собой в глухие горы.

Из числа этих последних детей довольно многим удалось убежать от своих похитителей, и они, не отдавая себе отчета в опасностях и непреодолимых трудностях пути, старались вернуться в свои родные селения, туда, где некогда был их отчий дом...

Сколько заблудилось их?! Сколько, истощив свои слабые силы, погибло на пути от усталости, голода, холода и страха?! А те, которые каким-то чудом добрались до своих мест, не нашли ни селений, ни домов; а только пустынные развалины, груды холодного пепла тут и там и кости...

* * *

И все же они остались жить среди этих куч мусора и обломков, бывших когда-то их родным домом. Они, прячась, голые и одичалые, жили там недели и месяцы, жили оторванные ото всех, питаюсь разными отбросами, травой, корнями и насекомыми!

Я видел нескольких из них, подобранных русскими войсками и армянами-добровольцами.

Во время вступления русских войск в Вартенис, соседнее с Мушем селение, казаки, бывшие на разведке, увидели вдруг страшное зрелище: четыре ре-

бенка, истощенные и исхудалые, совершенно голые, сидели на корточках вокруг разлагавшегося трупа лошади и, вырывая клочья гнилья, жадно пожирали их. При виде казаков трое из них убежали с необычайной быстротой в поля, и найти их не удалось. Только одна маленькая девочка, лет около десяти, осталась, продолжая свой отвратительный пир, и была взята.

* * *

В Дзегхазе, среди развалин селения, был найден также маленький мальчик лет восьми. Умирая от голода, обессиленный, скелетоподобный, он двигался едва-едва. Три месяца, как он жил там один, покинутый всеми.

* * *

В Хныс-Кале найден был еще один десятилетний мальчик. Он ухитрился прятаться в этом селении, переходившем все время от курдов к русским и от русских к курдам, целых восемь месяцев. У него была прострелена грудь, но рана зажила. Гольный, исхудалый, утрюмый, дикий, он разучился говорить и издавал только хриплые крики. Когда его поймали, он, отбиваясь, царапался и кусался, как дикий зверек.

* * *

В этих местностях, теперь совершенно опустошенных, дети в одиночку или партиями бродили бесцельно по неделям, по целым месяцам.

Вот, например, одна из моих встреч.

Прикрываемые турецкой армией Кемаль-паша, курды с добычей ушли в свои скалистые горы, уводя с собой захваченных армян — женщин и детей.

В погоню за ними бросился отряд добровольцев, хотя и без надежды на успех, так как курды ушли на целый день раньше. Во время этой погони, достигнув вершины горного хребта, через который переваливали, мы увидели издали странный, крошечный караван. Когда очертания стали немного ясней, мы были поражены: весь караван состоял из четырех ослов и на каждом по несколько детей.

Впереди на осле сидел верхом маленький мальчик и правил, держа перед собой двухлетнего ребенка, другой же малыш, лет трех, сидел сзади на крупе осла, крепко уцепившись за переднего. На других ослах сидело на каждом по два, по три мальчика или девочки от четырех до шести лет.

— Кто вы такие?.. Откуда вы?..

— Ага-джан, мы дети армян... Мы спаслись от курдов.

— Где вы нашли этих ослов?..

— Их сколько угодно в горах.

Отвечает мне так определенно и ясно тот самый восьмилетний мальчуган, который правит первым ослом. Он начальник каравана. Продолжает объяснять:

— Спаслись мы два дня тому назад. Продолжать идти пешком нам было не под силу, особенно совсем маленьким. Тогда мне и пришла в голову мысль поймать ослов.

— Куда же вы едете?

— Возвращаемся домой, в свое село.

— А ты знаешь где оно? Дорогу-то ты знаешь?

— А как же, конечно, отлично знаю! Наше село Суким на берегу Тигра.

— Но ведь ваше село было разрушено. От него нет и следа.

Ребенок слегка пожимает плечами и с уверенностью взрослого говорит:

— Пустяки! Для нас всегда что-нибудь да найдется. А потом, все-таки же это лучше, чем оставаться у курдов.

Но вдруг он смолкает и пристально смотрит. К нам подходит партия армян-добровольцев...

— Дядя!

Ребенок скатывается со своего осла и бежит с протянутыми ручонками к одному из добровольцев. Они обнимаются, целуются и плачут.

— Где ж твои родители, братья, сестры?

— Мама и сестры у курдов. Отец и братья убиты.

— А... мои? — спрашивает нерешительно доброволец.

— Убиты.

Ребенок говорит это спокойно. Он видел столько крови, и у него впереди такая тяжелая задача — довести до дому своих маленьких спутников, — что это его не волнует, — но мужчина бледнеет, и слезы ручьем текут по щекам.

Слышится короткая команда:

— Вперед!

Армяне трогаются. Доброволец еще раз обнимает ребенка, становится в строй и, не оборачиваясь уж более, уходит вместе с другими. Детский караван также продолжает свою дорогу, но в противоположную сторону, по обездоленному краю, по пути к родным развалинам. И скоро пропадает он из виду в морщине горы...

Агония сосланных в Месопотамию.

Становища пыток и смерти

Вдоль знойных берегов далекого Евфрата, между огненно жаркой Месопотамией и Бадият-аль-Шамом, в голой пустыне Сирии, в проклятой местности, которая — сам ад, — лежат становища

ссылных армян, избежавших общей бойни. По единичным показаниям редких путешественников, которым удавалось приближаться к этим становищам, существование несчастных таково, что описать ужас его нет слов: от Алеппо до Багдада они медленно умирают.

Переноса ужасающие страдания, без крова, достаточной пищи, всегда на ветру и в смертельные холода зимы, и в страшные жары неумолимого лета — они гибнут в большом числе ежедневно, и тех, которых уносит смерть, не так жаль, как остающихся в живых.

* * *

Одному доктору турецкой армии, Х. Торояну, по происхождению армянину, как это показывает и его имя, было поручено турецким правительством посетить становища ссыльных. Во время исполнения этой миссии он был бессильным очевидцем таких ужасов, присутствовал при таких чудовищных сценах, что, рискуя жизнью, решил бежать, чтобы открыть глаза цивилизованному миру на варварство и гнусность преступного правительства Турции и его сообщников. Доктору Торояну, несмотря на почти неодолимые препятствия, которые ему пришлось испытать, удалось достичь Кавказа. Я виделся с ним, и его первые слова были:

«Мои несчастные братья, сосланные в Месопотамию, жены и дети которых умирают ежедневно, уносимые страданиями, голодом, болезнями и дьявольской жестокостью запугив, стерегущих их в изгнании, умоляли меня обратиться с призывом в их пользу ко всему цивилизованному миру, в частности к кавказским и особенно к американским армянам». Затем он показал мне заметки, которые он ежедневно

делал во время своего инспекторского объезда вдоль Евфрата. Эти заметки — длинный ряд ужасающих явлений, рассказов об избиениях и пытках и возмутительных насилиях. Доктор Тороян 25 ноября 1915 г. покинул Джераблуз, чтобы на плоту спуститься вниз по Евфрату.

В Джераблузе он видел караван сирийских армян, изгнанных из Бейрута, и двадцать пять армянских семейств из Айнтапа, которых жандармы ударами плетей гнали в еуд.

Другие армянские семейства прибывали из Кейсарии и Кони по железной дороге и с первого же момента после высадки становились жертвами жесточайших насилий. Чеченцы, между прочим, захватили триста женщин и молодых девушек, чтобы продавать их как рабынь. Все эти несчастные были родом из Диарбекира, Мардина и Харберда.

* * *

Но пусть говорит сам доктор Тороян.

«В этом же становище (Джераблузе), — рассказывает он, — были собраны во множестве армяне из Адана и Киликии. Большинство — женщины и молодые девушки.

Двух из них я знал очень хорошо, но теперь, когда они бросились мне в ноги, сразу не узнал — в таком жалком состоянии были они от истощения.

— Передайте «молодцам», — кричали они, рыдая, — чтобы они торопились в Месопотамию. Мы здесь более чем умираем!»

На своем плоту доктор спустился по течению до Мескене. Здесь он причалил и в сопровождении двух жандармов посетил армянское становище.

«Несчастные были едва-едва прикрыты лохмотьями, — говорит он, — и у них не было ничего, что

предохраняло бы их от непогоды. Некоторые, присев на корточки, старались укрыться под остатками своих бонтов, но большинство было лишено и этого крова!

Я спросил сопровождавших меня жандармов, что это за земляные насыпи, попадающиеся на каждом шагу, около которых бродят тысячи собак?

— Это могилы «гяуров», — отвечали те спокойно.

— Странно! Такое небольшое поселение, а так много могил!

— Ах, так вы, значит, не знаете! Это могилы тех «собак», которых прислали первыми, в августе. Все они перемерли от жажды.

— От жажды! Как так? Разве не было воды в Евфрате?

— Нет. Но нам было приказано не давать им пить по целым неделям.

Я дошел до края этого огромного поля могил. Два старика сидели на корточках и рыдали. Спросил: «Откуда вы?» Но они не ответили. Страдания приглушили их. Очень возможно, что они и говорить разучились. В конце концов ответил мне третий ссыльный, лежавший пластом на земле среди своей несчастной семьи. Я узнал, что в становище пять тысяч армян из Мерсины и из других городов Киликии».

* * *

«Между тем сопровождавшие меня жандармы подошли ко мне и, показывая на одну молодую девушку, сказали: «Эфенди! Возьмем ее с собой в Багдад?»

И, не дожидаясь моего ответа, подозвали несчастную. Она подошла, дрожа от страха и, обратясь ко мне, сказала несколько слов по-французски. Оказалось, что до ссылки она была учительницей в

Смирне. Она умирала от голода. Я хотел узнать от нее точные подробности о страданиях ссыльных, но она твердила одно и то же: «Хлеба, хлеба»... Потом, зашатавшись, упала наземь.

«Она мертва... Учительница тоже умерла с голода», — кричали около нас сострадательные голоса. Меж тем жандармы, воспользовавшись обмороком несчастной, хотели овладеть ею. Они уже схватили ее и понесли на наш плот. Но я их остановил. Влил в рот бедной девушки несколько капель коньяку, и она пришла в себя».

* * *

«Ко мне подходит одна из матерей и молит меня. Она все отдаст, самое себя, свою жизнь, — только бы я спас ее сына, томящегося в жесточайшей лихорадке.

Я даю ей немного аспирина.

А вокруг меня меж тем уже тысячи несчастных, исхудалых, со впалыми щеками, с глазами или потухшими совсем, или слишком блестящими, — а там за ними спешат со всех сторон еще другие, бегут кто пока в силах, — еще тесней окружают меня с отчаянными криками: «Хлеба!.. Хлеба!.. Лекарств!»

Но жандармы бросаются в эту толпу, бьют и бьют направо и налево, бьют по чем попало и чем попало — ногами, кулаками...

Я убегаю в отчаянии... Сознывая все свое бессилие облегчить столько страданий».

* * *

«И вот вижу я — две женщины, одна старуха, а другая молодая и очень красивая девушка, несут тело

третьей еще молодой женщины... Наверно, это мать и сестра покойницы.

Не успеваю я пройти мимо, как слышу за собой крики ужаса... И вижу — какой-то араб наносит удары по мертвому телу и кончает тем, что сбрасывает труп наземь... Затем, поощряемый жандармами, он пытается увести молодую девушку, которая отчаянно бьется в объятиях этого животного. Наконец, вырвавшись, девушка лишается чувств и падает рядом с телом своей мертвой сестры, а старуха, упав на колени, с полубезумным, блуждающим взором рыдает и ломает себе руки над обеими своими дочерьми.

Я не могу вмешаться. На этот счет мной получены строжайшие приказания.

Дрожа от бешенства и возмущения, я спасаюсь на причаленный к берегу плот...

Среди ночи меня будят отчаянные крики...

Мои жандармы в становище... Там идет охота на молодых армянок. Животные насилуют несчастных и жестоко бьют тех из ссыльных, которые делают попытки защищать женщин. Свалка, которую я не вижу, но слышу, не затихает... Наконец, жандармы возвращаются, судовщик отвязывает лот, берет за весла... Мы трогаемся...

Погруженный в свои собственные думы, с истерзанным сердцем, я позволяю скользющему тихо по широкой глади реки плоту нести себя. Вдруг жандармы весело вскрикивают, как в настоящем заправском фарсе:

«А девчонка! Девчонка-то этой ночи!»

Я смотрю: по течению, тихо колышась, плывет труп девушки... Они узнали ее... Узнал ее и я. Это учительница из Смирны, несчастная девушка, с которой еще несколько часов тому назад говорил я. Так вот она жертва этих диких животных, сопровождающих меня!»

Трагический документ

Относительно ужасной судьбы всех этих несчастных ссыльных, медленно погибавших от мук голода, истощения и болезней, в мое распоряжение поступил впоследствии новый документ — неопровержимый и точный.

Документ этот из архива «Американского комитета по оказанию помощи армянам и сирийцам». Это последний рапорт, посланный Комитету осенью 1916 года хотя и не американцем, но лицом, принадлежащим к одной из нейтральных держав.

«Мне невозможно передать, — говорится в рапорте, — то впечатление ужаса, которое осталось у меня после посещения армянских становищ, особенно расположенных на востоке от Евфрата, между Мескене и Дер Зором. В этом районе даже и становищами нельзя назвать те места, где ссыльные, в большинстве голые, остающиеся почти без пищи, согнаны вместе, как скот, и живут под открытым небом, без всякого крова, в ужасных условиях чрезвычайно сурового климата пустыни, с палящим летом и вселенящей зимой.

Только немногим, еще не совсем обессиленным, удалось устроить себе убежища под землей, на берегу реки; да еще некоторые другие, сохранившие от погрома кое-какие лохмотья, построили жалкое подполье палаток.

Все изголодались. Все с их испитыми, бледными, угрюмыми лицами, иссохшим, исхудалым телом, кажутся ходячими скелетами, подтачиваемыми самыми ужасными болезнями. *Впечатление таково, — что правительство хочет уморить их всех голодом».*

Затем автор рапорта напоминает, что эти остатки армянского населения Турецкой Армении, выброшенные на берег Евфрата, состоят исключительно из женщин, детей и стариков. Мужчины средних лет и молодые люди были в большинстве перебиты, а ос-

тающиеся в живых рассеяны по всем дорогам империи, где они бьют щебень. Молодые девушки, даже совсем еще подростки, стали добычей мусульман — если только и они не были перебиты в пути.

Дальше в рапорте говорится:

«Верховые жандармы маячат вокруг концентрационных лагерей, чтобы препятствовать побегам в пустыню — где смерть неминуема.

Я встретил несколько таких беглецов, предоставленных жандармами их собственной судьбе, окруженных целой стаей голодных псов, только и ждущих когда кто-нибудь из несчастных испустит последний вздох».

* * *

«В Мескене, из-за его географического положения — на границе Сирии и Месопотамии, — собирали все караваны ссыльных, прежде чем распределять их вдоль Евфрата.

«Они прибывали сюда тысячами, — говорится в рапорте, — но большая часть их оставалась здесь — в виде груды костей».

Я собрал сведения на самих местах и могу утверждать, что здесь погребено около *шестидесяти тысяч армян* и все они — жертвы голода, изнурения, жестокостей и болезней.

Впечатление от этой необъятной равнины Мескене зловеще. Пока хватает глаз — видишь вереницу могильных холмов, и под каждым из них похоронено как попало от двухсот до трехсот трупов — и все женщин, детей и стариков.

В настоящее время четыре—пять тысяч армян поселено между пригородом Мескене и Евфратом, и все они — только тени. Охраняющие их турки выдают им — при этом крайне нерегулярно и всегда в

недостаточном количестве — крохи хлеба. Иногда несчастные голодают по трое, по четверо суток.

Жестокая дизентерия вырывает безмерное число жертв, особенно среди детей, которые бросаются жадно на все что ни попадает им под руку и едят траву, землю и даже свои собственные экскременты.

В большой сарай набито около *шестисот си-рот*, которые живут среди своих собственных отбросов, пожираемых червями. Эти дети получают только 150 грамм хлеба в день, но часто остаются и совсем без хлеба по два, по три дня. Смертность среди них огромная: в течение восьми дней между моим первым и последним посещением сарая — семнадцать детей умерло от желудочных заболеваний».

* * *

«Абу-Херрера — это маленькое местечко на севере от Мескене, на берегу Евфрата, самое нездоровое место пустыни. Здесь, в двухстах метрах от реки, на небольшом холме, поселено двести сорок армян. Они буквально умирают с голода. Там, где остановилась моя повозка, несколько женщин стали искать в навозе ржаные зерна и тут же съедали их. Я дал им немного хлеба. Они бросились на этот хлеб как голодные звери и пожрали его, рыгая с эпилептической дрожью. Узнав от одной из получивших, что я даю хлеб, все двести сорок несчастных сбежали с холма и, протягивая ко мне свои иссохшие руки, умоляли дать и им. Они ничего не ели уже семь суток. Все это были женщины и дети, и среди них только пять или шесть стариков».

«В маленькой деревушке Хаме, где живет тысяча шестьсот армян, положение такое же. Огромное большинство ссыльных спит на голой земле без всякого крова и питается арбузами. Наиболее бедные

едят корки, брошенные другими. Смертность среди них очень велика — особенно среди детей».

«В Ракке, довольно значительном местечке на левом берегу Евфрата, живут пять—шесть тысяч армян, большинство женщин и детей, набитые по пятьдесят—шестьдесят человек в доме, и то из милости, которой они обязаны доброте губернатора.

Со стороны оттоманского чиновника эта доброта к ссыльным, хотя и оттоманским подданным должна рассматриваться, при настоящих условиях, как великодушие и даже героизм. Однако их нищета от этого не менее ужасна. Муку они получают нерегулярно, всегда в количестве недостаточном, почему просящих на улице милостыню женщин и детей — сотни».

* * *

«На правом берегу Евфрата тысяча армян живет в хижинах, под охраной жандармов, где они ждут, когда смерть освободит для них место в более отдаленных концентрационных лагерях».

* * *

«В Зиарате, к северу от Ракки, тысяча восьмьсот армян. Здесь более, чем где-либо, страдают они от голода, так как Зиарат совершенно безлюден. Толпы голодных бродят по берегу реки в поисках травы для питания. Многие умирают от истощения на глазах равнодушных жандармов».

* * *

«В небольшой деревушке Сабзе живет около трехсот армян. Судьба их также плачевна, и они так же изголодались, как и все другие».

* * *

«Тридцать тысяч армян были поселены еще несколько месяцев тому назад вокруг Дер Зора, центра мутезарифата того же имени, где они пользовались покровительством губернатора Али-Суад-бея. Я считаю долгом упомянуть об этом сердечном человеке, так как он старался облегчить страдания ссыльных. Некоторые из них открыли даже небольшую торговлю и чувствовали себя сравнительно счастливыми...

Но как только до центральной власти дошло, как обращаются с армянами в Дер Зоре, Али-Суад-бей был переведен в Багдад и на его место назначили Зеки-бея. Прибытие нового мутешерифа, известного своею жестокостью, было для ссыльных началом ужасающих пыток.

Тюрьма, избиение палками, виселицы заменили теперь ежедневную раздачу хлеба. Молодые девушки подверглись тягчайшим насилиям и были отданы во власть соседних арабов. Детей утопили в реке, Али-Суад-бей собрал в одном из больших домов около тысячи сирот, которых и содержал за счет города. Его заместитель выбросил их всех на улицу, и большинство детей, конечно, погибло.

Тридцать тысяч армян, живших в Дер Зоре, были затем расселены вдоль реки Шебур (приток Евфрата), в самом бесплодном районе края, где им невозможно было найти себе какую-нибудь пищу.

По полученным мною сведениям, в настоящее время большинство из них уже умерло, а остальным также недолго ждать».

* * *

«Я считаю, что в настоящее время на берегах Евфрата, между Мескене и Дер Зором живет едва

едва пятнадцать тысяч¹ армян» — делает вывод автор рапорта и кончает его настоятельным призывом к американской благотворительности.

* * *

В «Journal», в котором я 16 февраля 1917 г. огласил этот рапорт, я добавлял: этот рапорт, трагический по своей детальной точности, комментарий не требует, а теперь я ставлю вопрос:

Что, если после войны из 500 000 ссыльных, расселенных турецким правительством по Месопотамии, не окажется в живых ни одного или окажется ничтожное количество, не падет ли тогда тяжкая ответственность пред всем цивилизованным миром на представителей нейтральных народов, находящихся в Константинополе, если они не будут в состоянии доказать, что ими было сделано в пределах человеческих сил все, чтобы помешать доведению этого преступления до конца?

До сих пор единственный результат, достигнутый Соединенными Штатами, это то, что деньги, собранные для армян и сирийцев в Америке, около десятка миллионов франков, будут распределены между ними при посредстве американских консулов.

Кроме того, оттоманское правительство согласилось также в отношении Ливана и Сирии на распределение смешанной комиссией из членов Красного Креста и Красного Полумесяца всех продуктов и медикаментов, присланных из Америки.

* * *

Американское правительство требовало установления такого же порядка в отношении ссыльных

¹ Эта цифра не показывает общего числа ссыльных, оставшихся в живых в Месопотамии, но только число тех, которые расселены между Мескене и Дер Зором.

из Армении — но до сих пор ничего не добилось. Более того, и разрешенное уже распределение денег при посредстве консулов встречает всевозможные препятствия со стороны местных властей.

Коллективное и энергичное выступление всех нейтральных представителей, пребывающих в Константинополе, привело бы, быть может, к спасению тех из ссыльных страдальцев Армении, которые пока еще живы.

Страшный исход беженцев на Кавказ

После того как турки, не сломив героического сопротивления армян, бежали под натиском русских войск, генерал Николаев, командующий русским оккупационным отрядом, назначил гражданским губернатором Ванского вилайета Арама, одного из главных вождей обороны города. И Ван вздохнул свободно.

Но благополучие продолжалось недолго. Бои между турками и русскими продолжались, и русские, у которых в то время не хватало боевых припасов, боясь наступления неприятеля с севера, решили 2 июля 1915 г. очистить город. Тогда и население, чтобы избежать репрессий со стороны турок, двинулось также к границам Кавказа.

Еще зимой 1914—1915 г. на Кавказ из района Эрзерума удалось бежать более чем 100 000 армян.

Это переселение в разгар зимы было осуществлено ценой страшных мучений и жертв; по прибытии беженцев в пределы Кавказа армянские комитеты, и без того перегруженные работой, несмотря на все их усилия, оказались, к сожалению, не в состоянии выполнить непосильную задачу оказания переселенцам должной помощи.

То же самое, только в размерах близких к катастрофе, повторилось и теперь, когда население Ван-

ской провинции, показавшее себя столь энергичным и доблестным, оставило всей громадой свои родные очаги.

* * *

Этот исход 250 000 мужчин, женщин и детей, тронувшихся в путь большинство пешком и без средств, был ужасен. В пути погибло такое огромное количество беженцев, что в некоторых местах скопление их трупов затрудняло движение. Бесконечное число детей, оторванных от родителей, погибло, брошенное на произвол судьбы. Около Бергри-Кала на огромный караван беженцев напали курды. Им удалось отбить от общей колонны часть в 20 000 душ, судьба которых до сих пор неизвестна.

Волны беженцев хлынули в пределы Кавказа через Карс, Игдир и Джульфу. Через Карс прошло 18 091 душ, через Игдир — 170 000, через Джульфу — 18 055, и если к этому прибавить 1 327 душ, непринятых тогда в расчет, в итоге получится 207 473 беженца. Таким образом, в дороге погибло или пропало около 40 000 несчастных. Пятьдесят пять процентов прибывших на Кавказ было женщин, тридцать процентов детей (из них $3/4$ девочек), полных сил мужчин было всего десять процентов, и, наконец, неспособных к труду стариков насчитывалось пять процентов.

* * *

Русские между тем оставили Ван всего на несколько дней. 7 июля они снова заняли город. Он был наполовину сожжен, а его каналы оказались заваленными трупами — трупами армян, не успевших бежать вовремя.

Спустя несколько недель русские позволили части беженцев вернуться в Ванский вилайет. Но тут пришлось эвакуировать город снова, и 25—30 000 вернувшихся армян вновь отправились в изгнание.

* * *

Вступление беженцев на русскую землю не явилось концом испытаний. Несмотря на самопожертвование армянского населения Кавказа и преданность делу армянских комитетов Тифлиса и его района, не было никакой возможности оказать действительную помощь такой громаде, и тиф, дизентерия и холера массами уносили несчастных, обессиленных усталостью и лишениями.

«Начиная от турецкой границы до Игдира, весь район полон больных, без всяких средств беженцев, собравшихся бесчисленными отдельными группами», — писал около 15 августа 1915 г. председатель центрального армянского Комитета в Тифлисе Самсон Степанович Арутюнян. От Игдира до Эчмиадзина (около 30 километров) все поля, все виноградники полны беженцев. В самом Игдире набилось около 20 000, а в Эчмиадзине около 45 000 беженцев.

До турецкой границы по всем направлениям верховые ищут заблудившихся детей и больных и хоронят умерших.

«Все беженцы изголодались до последней степени и гибнут от голода в среднем: в Игдире по пятнадцать, а в Эчмиадзине до сорока человек в сутки».

И С.С. Арутюнян добавляет:

«Десятки тысяч беженцев продолжают прибывать из Турецкой Армении. Нет конца этим густым колоннам,двигающимся в облаках пыли. Большинство женщины и дети — босые, обессиленные, голодные. Своими рассказами о жестокостях турок и курдов они рисуют неопишуемые ужасы.

Во время исхода, в общем смятении отступающих войск и потерявшего голову населения, родители теряли своих детей, а последние своих родных. И множество таких одиноких детей, не будучи в силах продолжать путь, гибло по дороге. Несмотря на это, число подобранных малюток велико. Так, например, в Игдире и Эчмиадзине таких забытых и брошенных детей было собрано около пятисот».

* * *

В Тифлисской армянской газете «Оризон» 21 августа 1915 г. была опубликована следующая телеграмма корреспондента газеты из Эривани:

«Наплыв беженцев продолжается. В данное время более 35 000 сосредоточено в Эчмиадзине и 20 000 в Эривани.

Несмотря на рвение, одушевляющее Эчмиадзинский Комитет оказания помощи под председательством архимандрита Баграта и национальных комитетов Тифлиса и Москвы с их многочисленными вспомогательными комитетами, положение чрезвычайно мучительно: нет ни хлеба в достаточном количестве, ни горячей пищи, ни врачебной помощи. Между тем большая часть беженцев больна. В Эчмиадзине и Эривани устроено несколько лазаретов, в которых и находится около 1500 больных, но огромное число серьезно больных беженцев лежит на ветру по дворам и даже на улицах. Число смертей огромно: позавчера похоронили в Эчмиадзине 103, вчера 80 человек.

В Эчмиадзинском лицее собралось 3 500 детей, родители которых пропали. Спят они на полу. Вчера вечером я осматривал это помещение и насчитал в одной большой зале 110 совершенно голых малюток, лежавших на полу. Некоторые спали, а другие плака-

ли. Впечатление было настолько тягостно, что я сам не мог удержаться от слез.

На дворе мне представилось не менее тягостное зрелище: в тени деревьев, у стен, по всем углам лежали беженцы, со всех сторон неслись стоны больных, и здесь и там были видны трупы умерших, у самых ворот монастыря я нашел бездыханные тела трех малюток».

Таким образом, как мы видим, судьба армян, спасшихся от турецких душегубов, была в течение нескольких месяцев ужасна.

Голоса детей, обвинявшие палачей

Чтобы закончить мой очерк о мученичестве несчастной Армении, я должен еще описать ряд ужасающих сцен — быть может, более ужасающих, чем все другие, так как жертвами палачей являются дети...

И рассказывали мне о них сами же дети.

Близ Тифлиса над городом, на окружающих высотах разбросано около дюжины ферм и дач, обращенных в настоящее время в приюты, где армянским национальным бюро при помощи частной благотворительности содержатся армянские дети, родители которых или умерли, или пропали без вести в бурю, опустошившую их родину.

Тифлиские армянки или сами же беженки из Турецкой Армении ухаживают за этими детьми, возраст которых колеблется от нескольких месяцев до юношеских лет, и стараются заменить им тех дорогих близких, которых большинство не увидят уже больше никогда.

Почти все дети из Ванской, Битлисской и Шатакской провинций попали на Кавказ вместе с толпой турецких армян-беженцев.

Я был у этих детей и расспрашивал их. Большинство находится еще в каком-то оцепенении от пережитых ужасов и боятся говорить: при одном напоминании о том, что они видели и что перенесли, их охватывает дрожь и ужас.

Например, одна девочка семи лет мне сказала: «О, я видела много ужасных вещей, но рассказывать о них не хочу... опять меня будут мучить кошмары». Другая, десяти лет, по имени Пайлун (Блестящая), ответила только: «Когда убили у меня на руках моего малютку-брата — я онемела... Я еще могла кричать, когда убивали маму, но больше никогда»... Ее язык стал заплетаться, и она замолчала. Такой полунемой осталась она несколько недель, да и в настоящее время чуть небольшое волнение, и она немеет.

Вот рассказ одной девочки тринадцати лет, по имени Арекназан, о событии, бывшем в ее родном селении в Лизе, около Вана, в апреле 1915 г.

«Однажды в полночь постучались в наши двери. Это были турецкие жандармы. Они приказали мужчинам собраться и идти в участок для допроса, но вместо участка их повели в горы и там убили. После этого турки вернулись в селение и всех дочиста ограбили. У нас они унесли все, даже наши платья... Наутро нам предложили пойти в горы, повидаться с нашими мужчинами. Мы еще не знали, что произошло, и бросились бегом, чтобы поскорей встретиться с нашими отцами и братьями, но тут нас окружили курды... И те, которые пытались сопротивляться им, были перебиты камнями... Так продолжалось три дня.

На третий день, все на том же месте, мы увидели раненых, закопанных в землю по плечи. Они умоляли дать им пить или покончить с ними — так велики были их страдания. Тогда нам приказали снести им напиться и дали для этого кувшины, полные крови. При этом курды смеялись, говоря: «Дайте им напиться, это освежит их!»

Девочка одиннадцати лет, по имени Сатеник, из селения Перкашен рассказывала мне:

«Пришли курды. Мы не испугались, потому что они вошли в дом тихо, как друзья.

— Если у вас есть какое-либо оружие, надо его сдать, в противном случае всех ваших мужчин ждет тюрьма.

Когда все оружие было им сдано, они собрали всех мужчин и заявили им:

— Мир заключен. Сейчас мы отпразднуем примирение.

И они увели их. Прошла ночь. Наутро курды вернулись и принесли назад взятое накануне оружие, которое теперь было все в крови... И это была кровь перебитых ими наших мужчин.

Курды приказали нам вычистить оружие, говоря:

— Мы не хотим пачкать руки в крови гяуров.

Затем они потребовали есть, заявляя:

— Мы устали, мы много работали, каждый из нас убил по крайней мере по три или по четыре человека.

Вскоре начались насилия и над нами.

В доме, соседнем с нашим, удалось спрятать в навозе двух братьев; курды схватили их сестру, которая начала кричать и отбиваться от них, — братья вышли из своего убежища, чтобы защитить ее, но курды схватили их и, привязав одного к правой, а

другого к левой руке сестры, разможили им головы. Сестра упала, залитая кровью, потеряв сознание, а братья — мертвыми».

Девочка четырнадцати лет из селения Сипан сказала мне:

«Когда в селение вошли турки и курды, я спрятала моих отца и брата в *тонир* (род хлебной печи, встречающийся в каждом армянском доме). Пришедшие обыскали весь дом. Я лежала на тонире, притворяясь больной. Один из курдов ударил меня по голове прикладом так, что я упала на пол (несчастливая ослепла от последствий этого удара). Заслонка тонира от удара открылась, и они, увидев спрятавшихся, начали смеяться и сказали мне:

— Так как ты положила их в печь как дрова, так вот мы ее и растопим ими.

И, связав вместе отца и брата, они сожгли их живыми».

Девочка-сирота тринадцати лет, по имени Цедрен, воспитывалась в германском приюте в Ване. Когда начались избиения, последний быстро обезлюдел. В приюте терроризованные сироты спрашивали себя, что с ними будет. Наконец, их посадили на судно, которое и пристало к противоположному берегу озера, — но там были уже турки. Они заметили судно и открыли по детям огонь.

«Мы стояли на палубе неподвижно, — рассказывала мне маленькая Цедрен, — мы не плакали и не кричали. Я видела, как вокруг меня падали и скатывались на дно судна все мои подруги.

Судно наполнялось трупами. Тогда нам приказали побросать мертвых в озеро. Мы повиновались. Мы уже не отдавали себе отчета, страшно ли нам или нет. Мы торопились.

Около меня одна моя подруга (ее звали Назели, и ей было четырнадцать лет) «работала» очень быстро, не обращая внимания на свистевшие вокруг нее пули. Вдруг ее маленькая сестренка, убитая пулей, упала на нее.

Назели громко вскрикнула, но все же продолжала сбрасывать в воду тела даже и тогда, когда трупик ее сестры также сбросили в озеро.

Наступила ночь. Турки прекратили огонь. Мы заснули, но не спала Назели. Она оставалась стоять у руля и, безмолвная, серьезная, с угрюмым взглядом, продолжала делать жесты, как-будто бросала что-то за борт. Не было никакой возможности заставить ее перестать. Под утро заметили, что ее на судне уже нет... Вероятно, она сама бросилась в воду.

С рассветом мы спокойно пристали к берегу, но были так напуганы, что не могли говорить. Однако я не забыла, как меня поразило тогда отсутствие турок.

Мы причалили, вернее, выбросились на берег и сейчас же бросились бежать по направлению к лесу, в котором собралось уже много женщин и детей.

Вдруг сзади нас раздался душу раздирающий призыв на помощь. Я обернулась и увидела, что на нашем судне не было никого, кроме одной маленькой девочки, с растрепанными ветром волосами, которая делала отчаянные знаки, прося помощи.

— Она также сошла с ума! — воскликнула одна из нас, — оставим ее!

Но тут ветер донес до нас слова:

— Я не могу двинуться! Сжальтесь надо мной!.. Спасите меня... Я не хочу умирать!..

Мы не могли понять, что с ней случилось. Я с несколькими подругами побежала к ней, так как все

мы любили эту маленькую Аркназ — так ее звали, — всегда веселую и добросердечную.

Прибежав к ней, мы поняли: она совсем не была сумасшедшей, но от страха у нее внезапно отнялись ноги, и она не могла больше ходить.

Мы взяли ее на руки и понесли в лес.

Нам приходилось то и дело бежать, менять места и все нести ее...

Она же умоляла:

— Сжальтесь! Не бросайте меня!..

Несколько дней спустя, несмотря на наш уход за ней, она умерла».

* * *

Совершенно просто, с полным спокойствием, одна девочка четырнадцати лет, Сара, рассказала мне следующее:

«Это было накануне Пасхи (1915 г.). Вооруженные курды сделали на наше селение набег (селение Арджиш на берегу оз. Ван). Собрав мужчин, они повели их на берег озера и там, связав всех вместе, стали расстреливать. Продолжалось это с часу до 5 часов дня, а на следующий день возобновилось снова. Каждый вечер они приходили к женам убитых и каждой приносили какую-либо часть тела ее мужа, — или ногу или руку, и сообщали подробности мучений. Когда ни мужчин, ни юношей больше не осталось, в селение явился «бек». Он приказал собрать на церковной площади всех женщин и молодых девушек и велел им раздеться совершенно, донага. Когда это было исполнено (сопротивлявшихся убили), их выстроили по росту в одну шеренгу и заставили проходить перед «беком». Он их осматривал и ощупывал как скот. Затем тех, которых он выбрал, отвели в сторону, а всех остальных перебили».

Я передам еще сцену из рассказа одной женщины-беженки по имени Асмик, нашедшей вместе со своими четырьмя дочерьми приют в убежище армянских дам-патронесс в Тифлисе.

В Харене «четники» в числе четырехсот перебили мужчин прямо на улицах селения. Когда эта бойня была окончена, они заставили женщин впрячься в арбы и заняться самим уборкой трупов, а так как несчастные не имели в большинстве случаев сил исполнить этот бесчеловечный приказ — палачи решили: — Вы не хотите собирать своих «голубков» в арбы! Так мы вас вынудим сделать это по-иному...

И действительно, к шее каждого убитого привязали они веревки и ударами плетей принудили женщин впрячься в эти веревки и волочить трупы.

Эта злоеющая работа продолжалась три дня. Затем начались насильования и похищения.

— Лично у меня, — говорила мне беженка, — они захватили одну из дочерей, двух моих падчериц и трех двоюродных сестер.

Я останавливаюсь. Несмотря на весь ужас моих рассказов — я их рассказал. Такие факты не могут оставаться под спудом. О них надо кричать, чтобы цивилизованный мир, чтобы история судили виновных.

Итоги избиений

Холодные, сухие цифры превосходят иногда своим трагическим красноречием самые патетические из рассказов.

Кто не вздрогнет, читая следующие строки, заключающие в себе итоги избиений?

В начале 1915 г. в Турции было два миллиона армян.

В настоящее время осталось в живых едва ли девятьсот тысяч.

Более миллиона человеческих созданий, половина целого народа истреблено! Вот дело младотурецкого правительства, которое, когда оно брало в свои руки власть, было встречено всей культурной Европой как правительство прогрессивное и человечное!

На основании сведений, собранных за время моих исследований мною лично и вполне совпадающих по всем пунктам с данными национального армянского бюро в Тифлисе, общее число всех армян, «оставшихся в живых, распределяется так: число армян, избегнувших избиения и сосланных в Месопотамию, в круглой цифре, согласно рапортов американских консулов, было около 500 000 человек. Но с тех пор это число уменьшилось и продолжает уменьшаться ежедневно, так как несчастные ссыльные гибнут массами, скашиваемые болезнями, лишениями и зверским обращением. И я думаю, что в настоящее время едва ли можно считать в живых более 250 000 человек.

В Киликии считают (скорее, «верят»), что остается 100 000, да в западных провинциях Малой Азии 150 000 армян. Наконец, число армян, оставшихся нетронутыми в Константинополе и Смирне, считается в 180 000 человек. К этому надо прибавить еще 200 000 — число беженцев, которым удалось перейти русскую границу и найти себе приют на Кавказе.

Все остальные погибли, за исключением обращенных силою в ислам.

Ответственность за избиение беззащитного, трудолюбивого и мирного народа с невыразимым варварством, проявленном при этом, падает прежде все-

го на составляющих правительство младотурок. Это они с ведома германских властей в Константинополе задумали и приказали осуществить избиение, это они подстрекали на убийства диких курдов, а там, где было возможно, и прочих мусульман, возбуждая их религиозный фанатизм.

В Германии, негодуя, восстал против всех этих ужасов только один человек — доктор Лепсиус¹. Основываясь на разоблачениях нескольких германских монахинь, вернувшихся из Турции, он организовал собрание профессоров и публицистов, на котором при помощи неопровержимых документов выявил полное уничтожение «мирного и спокойного» армянского народа.

Следствием его разоблачений явился запрос в рейхстаге.

Германское правительство, не будучи в силах опровергнуть факты, старалось просто обелить себя в преступлении и прилагало все усилия, чтобы уверить общество, что сделанные разоблачения очень преувеличены. Однако об армянах оно так и не позаботилось.

¹ Со времени составления этой главы другой немец — доктор Ниенаж — старший профессор германской школы в Алеппо (Сирия) бесстрашно обратился к представителям германского народа с рапортом о последних избиениях армян «гораздо более ужасных, — как писал он, — чем при Абдул-Гамиде, целью которых было поголовное истребление всего армянского народа — народа умного, промышленного и стремящегося к прогрессу, — и отдача в руки турок решительно всего, чем армяне владели». Д-р Ниенаж не боится заявить, что «зрелища, при которых он присутствует уже месяцы, останутся в памяти восточных народов как позорное пятно на германском гербе».

Рапорт этого очевидца подтверждает по всем пунктам ряд возмутительных жестокостей, о которых я говорю в этой книге. Кроме того, он включает в себе множество деталей и точных описаний варварских сцен, при которых присутствовали д-р Ниенаж, а также и другие германцы-свидетели учителя, инженеры Багдадской жел. дороги, консулы Александретты, Алеппо, Мосула и др.).

Рапорт можно найти в III тетради «Документов о судьбе армян в 1915—16 гг.», изданных, в Женеве комитетом «Дела помощи армянам».

* * *

Впрочем, не одни только армяне были ограблены и убиты по приказу оттоманского правительства — пострадали вообще все христиане.

Настоятель французской миссии доминиканцев, его преподобие отец Бернар, оставшийся в Ване до прихода русских войск, передал мне список потерь, понесенных католическим клиром, список — как опасаются — неполный, но, увы, печально красноречивый:

Армянский католический епископ г. Мардина монсеньор Малоян был убит вместе с частью своей паствы, и до сих пор нет никаких известий об отцах доминиканцах, живших в этом городе.

Монсеньор Израэлян, католический епископ Харберда, погиб на пути в ссылку между Урфой и Диарбекиром, так же как и священники и монахини и часть общины.

Нет известий относительно монсеньора Члебяна из Диарбекира — но смерть его вне сомнения.

Монсеньор Хачатурян в г. Малатии был задушен.

Епископ халдейский и епископ сирийский г. Джезиреза с несколькими священнослужителями и сестрой Региной Раффо были перерезаны.

Все халдейские и сирийские священники гор. Сгерта были удушены.

Нет никаких известий, несмотря на ряд сделанных поисков, о сестрах — тертиариях ордена «Введения во храм», и существует уверенность, что все они были перебиты. Наконец, священники городов Медеаха, Севака, Дереке и Веран-Шахира также были перебиты.

Само собой разумеется, что турецкое правительство не пощадило и религиозных зданий. После изгнания французских миссионеров их учреждения были разграблены, разрушены или же обращены в

мусульманские школы. Так было, между прочим, в Мосуле и Ване. В последнем городе община доминиканцев, находящаяся в конце мусульманского квартала, обратилась во время осады города (апрель и май 1915 г.) в своего рода форт, который занимали башибузуки.

Будущность армян.

Правда об армянском народе

Война, вызванная Германией, оказалась исключительно жестокой для маленьких народов, стоявших на пути германских вожделений, но судьба Армении превосходит все по своему ужасу. До того пока я не увидел собственными глазами и не постиг ужасающей действительности, я сомневался, чтобы в наши дни были возможны такие гнусности, и относил некоторую часть их к преувеличениям, разделяя, таким образом, мнение многих.

Посланный на места «Journal», я констатировал истинное положение вещей — я видел и точно сообщил все факты, обнаруженные моими расследованиями, и утверждаю, что я скорей смягчил действительность, так как, в самом деле, некоторые злодеяния были такого рода, что детально описывать их не представляется возможным. Но я не хочу оставлять читателя под впечатлением одних только гнусных сцен и варварской бойни, о которых мне пришлось говорить, чтобы дать возможно более полное понятие о последнем покушении турецкого правительства на полное истребление армян.

Если после каждого своего поражения на Кавказе турки стремились в отместку опустошить Армению огнем пожаров и топя население в крови избиений — то истинная причина этого неистовства в том, что Армения на Востоке является носительницей цивилизации Запада.

* * *

Имя Армении прозвучало особенно сильно по всему цивилизованному миру с кровавой эпохи 1894 — 1896 гг. Потрясенные рассказами о совершенных турками зверствах — Европа и Америка, полные негодования, проявили участие скорее к страдающим армянам, чем к самому армянскому народу, который им был известен только благодаря этим мучениям.

Разного рода смешные басни, пущенные в обращение состоявшими на жаловании у султана «журналистами» и распространяемые малоразвитыми людьми, представлявшими армян то как сброд мошенников и ростовщиков, то как банду подкупленных врагами Турции с целью вызвать беспорядки смутьянов, — вся эта гнусная клевета, брошенная в лицо столь жестоко терзаемому народу, если и нашла некоторый кредит у довольно значительной, к сожалению, части западного общества, то единственно благодаря полному неведению этого общества в отношении армян, их нравов, истории и истинного их характера.

Народ мирный и исключительно трудолюбивый, с инициативой столь же сильной, как и упорное желание жить во что бы то ни стало, армяне, чтобы пользоваться уважением со стороны безразличного света и сохранить свое место в мировой цивилизации, берутся за самые разнородные профессии и самые разнообразные ремесла.

Они творцы также и в области мысли, и красоты, и искусства.

* * *

«Мы не претендуем на то, что армяне народ совершенный, — писал Аршак Чобанян, великий армянский поэт, в своем предисловии к французскому

переводу армянских народных песен, — совершенных народов нет.

Всякий народ имеет свои недостатки, но у тех, которые лишены независимости, которые находятся под игом уничтожающего деспотизма, — у тех неизбежно больше недостатков, чем у народов свободных. Но заблуждение из заблуждений — придавать целому народу пороки одной малопривлекательной категории типов, являющейся неизбежным плодом долгого рабства, и которую никто не заклеил с такой беспощадной строгостью, как сами армянские сатирики, публицисты и романисты.

До тех пор, пока армянский народ мог сохранять в своей родной земле независимость, он делал свою свободу орудием цивилизации. Когда же с потерей независимости часть армян рассеялась по всему свету и основала в разных чужеземных краях колонии, эмигранты явились для своих приемных отечеств интеллектуальной и активной силой, лояльно служащей интересам тех народов, гостями которых они были. Даже под тяжким игом азиатских деспотов армяне всегда преследовали задачи извечных поборников цивилизации. Это они вместе с греками развили в Турции земледелие, промышленность и торговлю».

* * *

Наряду с очень богатыми армянами, встречающимися в коммерции, банковских кругах и судебном мире, — как «хамалы» константинопольские носильщики — так и булочники также почти все армяне. Портные, сапожники, слесаря, кузнецы, оружейники и ножовщики во всех главных городах Турции набираются в большинстве случаев также среди армян.

Матери, вышивки, серебряные изделия и турецкие ковры, которыми восхищаются в Европе, вы-

дывались почти исключительно армянами. В Турции музыканты, певцы и артисты были главным образом армяне.

Наконец, своими архитектурными красотами Константинополь обязан в большинстве случаев также армянам. Так, чудесная мечеть Сулеймание — творение архитектора Синяна, по происхождению армянина. Армянами также были архитекторы Баяны, построившие дворцы: Бейлербей, Чрагкан и Долма Бахче, «который можно принять», говорит Теофил Готье, «за венецианский палаццо, но более роскошный, обширный, более тщательно ограниченный, более изысканный, перенесенный с Большого Канала на берега Босфора». Армянскими же руками выстроен и дворец Ильдиз-Киоск, где живет тот, который приказал перебить триста тысяч армян.

У себя этот народ был преимущественно народом земледельческим: виноградарем в Ване, Арджише, Ангоре, Бруссе, Сгерте; пчеловодом в Ване и Ангоре; шелководом в Бруссе и, наконец, везде трудолюбивым пахарем и пастухом.

Несмотря на ничтожное развитие промышленности в Турции, армяне выказывали всегда большую способность к этого рода деятельности. Так, армянам принадлежали кожевенные заводы и красильни Эрзинджяна, они же руководили производством солдатского сукна и фесок на императорской фабрике в Арслан-бей-Кейе около Исмиа.

* * *

Однако практические склонности армян никогда не мешали им быть в то же время страстными идеалистами, так как они всегда приносили свои непосредственные материальные интересы в жертву моральным стремлениям. Действительно, никогда еще ни

один народ не был столь предан своему национальному идеалу, как армянский, который, несмотря на кровавые преследования, не допустил ни разу нарушить целостность его души, гордой и свободной.

Я не могу, к сожалению, в одной ограниченной местом главе ни резюмировать всю историю армянского народа, ни выявить все эстетические проявления его гения в литературе, поэзии, музыке и особенно в архитектуре и декоративной скульптуре, в которых он исключительно преуспел.

Я могу только отослать читателя к многочисленным в настоящее время трудам на эту тему.

В заключение я добавлю, что известнейшие люди Европы и Америки всегда сходились и сходятся в выражении армянскому народу своего уважения.

«Было бы трудно,— сказал лорд Байрон,— найти летопись какого-либо народа менее оскверненную преступлением, чем летопись народа армянского, который свою доблесть черпал в мире, а пороки в цепях гнета».

«Армяне,— говорил уже в 1897 году Анатоль Франс,— народ умный и героический, склонный к восприятию самых высоких идей западного мира, имеющий право как по своему духу, так и по своим несчастьям на расположение тех народов, которым принадлежат идеи справедливости и свободы».

Х. Ф. Б. Линч, после того как обошел, объездил и тщательно изучил Армению, выпустил в 1902 г. монументальный труд об этой стране и о народе; он характеризует армян в следующих выражениях: «Армяне исключительно способны быть проводниками новейшей цивилизации».

Они исповедуют нашу религию, сроднились с нашими наиболее возвышенными идеалами и воспринимают все новейшие плоды европейской культуры с такой жадностью и таким совершенством, каких ни

один народ между Индией и Средиземным морем не мог никогда выказать».

Габриэль Мурэ также заявляет, что «народ, столь склонный к интеллектуальной и материальной цивилизации, как народ армянский, настолько острый умом, как он, имеющий такие же, как он, моральные ресурсы, давший в прошлом и дающий в настоящем столько доказательств преданности западной мысли и проявляющий такую высокую и решительную активность в завоевании прогресса,— имеет право на жизнь не только в смысле своих собственных судеб, но и как участник судеб всего мира».

И другие известные лица, как Гладстон, Жорес, Дени Кошен, лорд Брайс, Поль Дешанель, Пенлеве и прочие, отдав должное злокозненным и лживым рассказам, заявляли также, что Европа должна помешать истреблению армянского народа, не только потому что оно было бы преступлением против человечества, допускать которое позорно,— но и потому, что уничтожением армян моральные силы человечества будут ослаблены.

* * *

В заключение, чтобы завершить весь этот ряд характеристик,— вот мнение одного немца, доктора Рирбаха, писавшего в «Месропе» ревью, основанном за несколько недель до войны, следующее: «Армяне, вне всякого сомненья, представляют — и с точки зрения духовной, и с точки зрения материальной — элемент наиболее активный среди других восточных народов; можно сказать, что по своим национальным дарованиям они единственный народ. В армянах есть энергия, упорство, качества, противоречащие всему тому, что считают обычно присущим восточному темпераменту».

Автономия армян

Преступление турецкого правительства и Германии — неискупимо. Однако цели своей оно не достигло: Армения существует по-прежнему. Все оставшиеся в живых сыны этого народа-мученика по-прежнему надеются на будущее и хранят уверенность и веру в справедливость, которую восстановит победа союзников.

Они надеются, что на следующий же день после победы союзники отдадут себе, наконец, истинный отчет в их страданиях и стремлении к свободе.

Эти страдания и это стремление их к свободе найдут, конечно, отклик во всех странах Европы, и особенно во Франции — почему армяне и тянутся к этой далекой Франции, возглавившей в свое время «права человека», а в наши дни борющейся для достижения одной-единственной цели: утвердить «права народов», к той Франции, с которой они связаны давними традициями и один из сынов которой, один из Лузиньянов, был некогда их государем».

Последние тридцать лет, особенно, армянский народ борется с подавляющим турецким могуществом; борьба неравная, в течение которой был беспощадно скошен цвет армянской интеллигенции; борьба зверская, когда сотни тысяч человеческих существ были перебиты, — и их крики отчаяния не вызвали ни одного, по существу, действительного вмешательства держав, подписавших берлинский трактат.

Теперь как раз время решить, наконец, цивилизованной Европе мучительный армянский вопрос и исполнить свой долг в отношении народа, который с тех пор, как принял христианство в IV веке и особенно с этих Крестовых походов, оказал ей столько услуг.

И ни какое другое решение невозможно, кроме такого, которое даст армянскому народу автономию под протекторатом и при гарантии держав согласия.

Входить в детальное рассмотрение вопросов, связанных с этим единственным приемлемым решением, здесь не место.

Это будущий конгресс приложит все старания, чтобы найти для этого решения наилучшее выражение.

Ссылаться на малочисленность армян, чтобы отказать им в просимой автономии, — нельзя. Во время освобождения Греции из-под турецкого ига в ней не было и полумиллиона греков, не больше было и болгар в Болгарии в 1878 г., — между тем эти страны были превращены не только в автономные, но и в совершенно независимые единицы.

Несмотря на все избиения, в Турецкой Армении остается еще около девятисот тысяч армян, эта же цифра была показана мною, когда я говорил об итогах резни.

Добавлю — в настоящее время собственно в Армении остается еще кроме армян пятьдесят тысяч турок и курдов.

Остальные, боясь репрессий, бежали вместе с турецкой армией под натиском русских. И немногие из них решатся вернуться. То же самое произойдет и в остальной части Армении, и в Киликии, когда союзные войска займут также и эти провинции.

Подобная эмиграция наблюдалась уже при последовательном освобождении Сербии, Болгарии и Греции, откуда жившие в этих странах мусульмане эмигрировали, массами возвращаясь в коренной свой край в Анатолию.

Не надо также забывать, что и на Кавказе живет около двух миллионов армян, сохранивших вполне свою национальную культуру и готовых принять в деле возрождения и объединения вновь независимой родины самое деятельное и горячее участие.

Не надо забывать и о существовании «Диаспоры» — т.е. о тех 100 000 армян, которые эмигрировали в Америку, но страстно жаждут вернуться на родину.

Наконец, надо помнить и о тех нескольких десятках тысяч армян, которые рассеяны по Египту, Индии и Европе.

И вот этот акт справедливости — освобождение и объединение армянского народа — союзникам предстоит совершить прежде всего.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Документы и официальные рапорты)

События, предшествовавшие изданию декрета 20 мая (2 июня) 1915 г.

Документы, сообщенные автору г. Сбордоном, итальянским консульским агентом в Ване.

События в Пелу

Два жандарма, находясь 3 декабря 1914 г. в Пелу, заметили в селении какого-то незнакомого им молодого человека, и вот один из этих жандармов, не смотря на уверения сельского старосты, заявляющего, что молодой человек принадлежит к общине, преследует последнего до тех пор, пока он не скрывается, наконец, в одном доме.

Взбешенный жандарм начинает тогда грозить и в оскорбительных выражениях говорит об армянах и их религии. (Лицо, принятое жандармом за пришлого, входило в состав армянского патруля, только перед этим пришедшего в Пелу, чтобы защищать соседние селения от грабежей Мехмет-Эмина и его бандитов.) Между тем скрывшийся в доме молодой армянин в надежде, что сельчанам удастся успокоить раздраженного жандарма, сидит в доме, запершись, и на все оскорбления жандарма отвечает только мол-

чанием. Но тут на шум, поднятый жандармом, прибегает некий Сакиз, хорошо известный всем убийца, помилованный при провозглашении Конституции и навсегда освобожденный от призыва в войска. Выведенный из себя выкрикиваемыми жандармом оскорблениями, он вступает с ним в перебранку, в пылу которой и стреляет в него из ружья. Жандарм, убитый наповал, падает. Тогда другой жандарм, товарищ убитого, в страхе прячется на чердак, а в селении воцаряется паника.

Затем, пока сельчане стараются убедить второго жандарма сойти с чердака и просят его произвести следствие, молодой человек, которого преследовал убитый жандарм, уходит из селения, чтобы не давать повода к каким-либо новым недоразумениям.

Жандарм в конце концов сходит с чердака и первым же делом отправляется в Гонию — донести о событии в Пелу каймакану Востана-Шукри-бею.

Шукри-бей в сопровождении отряда жандармов сам отправляется в селение и там, производя дознание и арестовав несколько человек, приказывает поджечь шесть домов, принадлежащих Сакизу и его предполагаемым сообщникам. При этом жандармы убивают палками четырех сельчан. Тогда терроризированное население, бросая свои дома, имущество и скот, бежит из родного селения и рассеивается по соседним деревням.

На следующий день, 5 декабря, в оставленное селение сбегаются с гор волки, которые и пожирают скот, а огонь с домов, подожженных накануне, перекидывается на остальные строения. Армянский патруль, узнав об этом бедствии, спешит вернуться в селение, чтобы собрать разбежавшихся жителей и потушить пожар. Неожиданно возвращается в селение и каймакан, но на этот раз с двумя — тремястами курдами, единственная цель которых — грабеж. Армяне и курды вступают, конечно, в бой.

Каймакан принимает это сопротивление со стороны армян на свой счет, пускает в дело своих жан-

дармов, и, таким образом, с девяти часов утра до пяти часов дня идет взаимная резня.

На следующее утро селение сжигает окончательно шайка некоего Черкез-аги.

Когда 12 декабря прибывает в Пелу посланная властями из Вана на место армяно-турецкая депутация — пожар селения все еще продолжается. Отстоять от огня им удается только церковь, да и то уже тронутую частично пламенем.

Из дознания, произведенного г. Врамьяном¹ и Мунибом, явствует, что печальный инцидент в Пелу явился следствием если не бездействия власти, проявленного каймаканом, то его злой воли, так как он не только не старался успокоить население, но еще возбуждал против него курдов. В Пелу насчитывалось сто тридцать семей, живших в полном довольстве.

Инцидент в Этелене

На той же неделе, когда произошли события в Пелу, патруль армян-добровольцев был послан из Востана в Этелен — армянское селение, расположенное на дороге из Востана в Ван. Случай в Пелу и другие, еще более серьезные имевшие место в Казасе, заставляют опасаться — благодаря присутствию шайки курдов в Этелене — замысла избития армян курдами при попустительстве властей.

Присутствие в Этелене курдских банд из Битлиса и Гарджикана ничем другим не объясняется. К тому же курды противятся вступлению армянского патруля в селение и убивают двух жандармов, предшествовавших патрулю и придававших ему официальный и законный характер.

Подозрения армян находят себе подтверждение еще и в нападении на Этелен, произведенном на сле-

¹ Врамьян был депутатом от Вана в османском парламенте.

дующий день со стороны Спитак-Ванка курдами, предводительствуемыми Куршид-агой, личностью очень влиятельной в Востане. Армяне это нападение отбивают и убивают Куршид-агу.

Ввиду того, что столкновения такого рода могли повлечь за собой ряд еще более кровавых, Врамян со своим турецким коллегой спешат в этот район, чтобы успокоить умы, помешать возникновению новых инцидентов и рассеять взаимные недоразумения и недоверие армянского и турецкого населения.

После производства следствия Врамян в своем докладе Джемдет-бею, вали Вана, обвиняет каймакана Востана в подстрекательстве курдов против армян.

В подтверждение этого обвинения он приводит два аргумента:

1) Сожжение и грабеж Пелу — дело вождей и банд соседних курдов — были произведены с ведома Шукри-бея и, несомненно, с его согласия, так как если бы он хотел, то мог бы всегда им воспрепятствовать.

2) Упреки Шукри-бея по адресу Гусейн-аги из Ташманиса, что люди последнего «не приняли участия в нападениях на армян, как этого ему, Шукри-бею, хотелось».

Резня в Башкале

Эта резня произошла на первой неделе декабря 1914 г. Ахмет-бей во главе ста шестидесяти жандармов и Шереф-бей, глава табора Шикан со ста пятьюдесятью гамидиев, делает набег на Башкале после отступления русских.

Они грабят и сжигают армянские дома, убивают мужчин, трупы которых оставляют валяться на улицах, увозят с собой красивых девушек и бросают на произвол судьбы без хлеба и пристанища женщин и детей.

Соседние армянские селения постигает та же участь.

Армян из селений Паз, Арак, Писс, Алалиан, Алоз, Соран, Расулан и Авак собирают всех вместе, выводят на равнину и всех избивают.

По последним статистическим данным, в Башкале и в названных выше селениях насчитывалось тысяча шестьсот армян (из которых незначительная часть несториан).

В Бочхасе Кессене

Событие произошло 26 ноября 1914 г.

Убиты: Карапет Саркисян и Лусик — женщина из Авака. Церковь и все имущество сельчан ограблено: в общем на 4 000 турецких фунтов. Разбойники — Гаджи Гелех и предводители таборов, живущих в Гапистане, Галахе, Гарфалине и Румоглу.

Резня в селениях Аршан, Гасан-Тамран, Ташоглу и Кхара-Теорик (Сераи).

Эти события произошли 30 декабря 1914 г.

Жандармы из Сераи, во главе с Рассим-эфенди, адъютантом Абдул-Кадера, отправляются в Акхорик и объявляют, что по приказу каймакана все армяне-мужчины должны собраться в Сераи для перестройки казарм.

Еще накануне, сын Гусейн-бея — Тахар собрал всех сельчан-армян и держал их под наблюдением в нескольких домах; это доказывает, что план действий был обдуман заранее.

В Сераи жандармы отделяют молодых людей и, окружив курдами, выводят их из селения, а остальных вместе со стариками под эскортом жандармов отправляют в дорогу только час спустя.

Не успевает первая партия подойти к Авзарику, как курды в присутствии жандармов и адъютанта всех их расстреливают. Очевидец рассказывал, что он считал у Авзарика двадцать девять трупов. При этой

бойне присутствовали также оба сына Гусейн-бея — Тахар, Мустафа и Мехмет-ага с сыном.

После этого первого преступления адъютант, жандармы и вышеупомянутые курдские главари получают от Султан-аги приглашение на чай, курды же переходят ко второй партии, отделяют более молодых, а остальных избивают.

Тела всех этих жертв остаются в долине Авзари-ка необузданными до тех пор, пока из этого селения не приходят женщины, не убирают и не уносят их для погребения на кладбище.

Не успевают еще похоронить всех убитых, как является каймакан Сераи и сильно упрекает курдов за позволение армянам хоронить их мертвых.

«Наши солдаты, — говорил он, — остаются без погребения, волки и собаки пожирают их. Зачем же позволяете вы «гяурам» хоронить их мертвых?»

И после того как по его приказу похороненные были вырыты из могил, он принуждает двух стариков, по имени Мхитар и Багхдян, переносить на своих плечах эти трупы обратно в равнину.

В тот же день происходят и другие избиения в Гассан-Тамране (десять домов, сто убитых), а из всего селения Ташаглу спаслись от смерти только некто Симон и его жена.

Десять семей селения Кхарадсарик постигает та же участь; остаются в живых только двое. Все остальные жители перебиты за исключением красивых женщин, уведенных курдами с собой.

По приказу каймакана матери и дети этих трех селений принуждены были в ужасную непогоду отправиться в путь по направлению к персидской границе: «Постарайтесь встретиться с вашими мужьями, спасшимися у русских», — кричат им иронически жандармы.

Несчастные, не будучи в состоянии идти вперед по снегу, хотят укрыться в селениях Инкиж и Тархан, но жандармы ударами прикладов принуждают их идти дальше по снегу, который им по колена.

В этом жалком караване есть старухи и калеки, которых жандармы пристреливают. (Бадал Сагиян — восьмидесяти лет, Ованес Хачикян — шестидесяти лет, Карапет Зарифян — сорока лет.) Большинство остальных несчастных женщин и детей гибнет в снегу. В Салмас, в ужасной нищете и обессиленных, приходит всего семьдесят человек.

Чтобы дорисовать картину этих ужасов, я отмечу еще следующие факты.

Убийство, молодого священника села, Тер-Вар-тана, сопровождавшееся жесточайшими изощрениями и утонченной бесчеловечностью, курды начинают с того, что отрезают ему уши, потом нос, затем выкалывают ему глаза и, наконец, кончают с ним.

После его смерти они насильно выдали замуж за некоего Мехмеда, лакея Гусейн-бея, его несчастную жену.

В Гассан-Тамране курды вырывают детей из рук их матерей, бросают наземь и вбивают им в рот куски дерева.

Само собой разумеется, что курды поделили меж собой все стада, весь скот, зерно, мебель и имущество, разоренных селений (всего в круглой цифре на 10 500 турецких фунтов).

Только небольшая часть этой добычи была взята жандармами как военный приз.

Резня и грабеж в Хасаране

На селение Хасаран курды набегают 15 декабря в 1914 г. — убивают семерых мужчин, двух девушек, одну женщину, а другую ранят.

Затем они угоняют пять тысяч шестьсот голов скота, увозят пять тысяч девятьсот мер зерна, тысячу шестьсот батманов масла, сыра и т.п., собирают мебель, утварь, серебро, в том числе и все имущество церкви, обобранной дочиста.

Население они перегоняют из селения в селение.

В селении Сатманис

В это селение 20 декабря 1914 г. является, в сопровождении трех жандармов, офицер и заявляет, что по приказу вали все жители должны покинуть селение.

Восемьдесят человек отправляются в путь, употребляют на дорогу до Креша четыре дня. В пути гибнет от холода двенадцать детей.

Оставшиеся в селении сто двадцать человек заперты все в одном доме. Три жандарма с помощью трех курдов всячески притесняют их и издеваются над ними. Несколько дней спустя им приказывают также уходить из села, и они рассеиваются по селениям Салаханэ, Заранц, Севан и Фарух.

Из их числа восемь мужчин и пять детей умирают в дороге от усталости и холода. Все имущество жителей делается добычей курдов: две тысячи голов скота, двести буйволов, тысяча мер муки, пятьсот мер ржи, восемь телег, двадцать плугов, не считая запасов продуктов, мебели и серебра.

В селении Авзарики

Гусейн-бей и Молла-Санд являются в Авзарики 14 января 1915 г. с угрозами. Вслед за ними в селение

приходят жандармы и сгоняют всех армян в дом доктора Ресса, затем пять человек армян посылают отнести масло в Сераи, но из них двух при выходе из села расстреливают. Некоторым из запертых в доме доктора Ресса (двадцать мужчин и четыре женщины) удается бежать и достичь селения Шемседина. Остальные (сорок три мужчины, шестьдесят четыре женщины и девушки) или перебиты, или обращены в ислам и уведены в Салмас.

Нота

Переданная г. М.О. Дерузакияном — Врмянном, главой Ванского комитета партии «Единение и Прогресс» и армянским депутатом от Вана в турецком парламенте — министру внутренних дел в Константинополе 13 февраля 1915 г.

Нельзя отрицать, что в течение последних месяцев отношения между правительством и армянским народом стали не нормальны.

Правительство не обращает на это никакого внимания, и все усилия, прилагаемые после печальных событий в Гаваше и в Гарджикане к «улучшению» этих отношений, пропадают даром.

Со времени моего приезда в Ван я несколько раз как устно, так и письменно обращал внимание местных властей на меры, которые необходимо принять для улучшения положения.

Так как с тех пор мои убеждения были подтверждены многими аргументами — я беру на себя смелость обратить внимание центрального правительства на следующие вопросы. Причин создавшегося ненормального положения четыре, вытекающих одна из другой и одна другую объясняющих, а именно:

- 1) Обезоружение солдат и жандармов-армян.
- 2) Возобновление событий, угрожающих существованию армянского народа.
- 3) Вопрос об армянах-дезертирах.

4) Заявление «Джихата», объясняющее, возобновившееся после объявления общей мобилизации дезертирство армян — дезертирство, имеющее три причины одновременно и социального, и религиозного характера:

а) Армяне старше двадцати четырех лет не умеют обращаться с оружием.

б) Они не привыкли к лишениям, предписанным в армии после объявления войны.

в) Их религиозные потребности были в пренебрежении в армии.

Если вовремя обратить внимание на причины, вызывающие дезертирство, то соответствующими мерами можно постепенно прекратить таковое. Но вместо этого, с одной стороны, прискорбное недоверие правительства к армянам, а с другой — события, угрожающие существованию последних — придают вопросу о дезертирстве неприятную политическую окраску.

Таким образом:

1) Обезоружение солдат и жандармов, армян, создавая вокруг армянского народа атмосферу политического недоверия, вызвало натянутость отношений между армянами и турками.

2) Обезоруживая армян, их превратили, так сказать, в выючный скот и этим глубоко уязвили их национальное самолюбие.

3) Безоружные армяне, находясь под надзором вооруженных мусульман или же просто вынужденные обращаться среди них видят жизнь свою подверженной серьезной опасности. Между тем упорно держится слух, что в армии сотни солдат-армян потоплены, расстреляны или зарезаны, особенно в окрестностях Эрзерума и в районе персидской границы.

4) Безоружные армяне изгнаны из родного края и сосланы в места им совершенно чуждые.

5) Под предлогом образования милиции курды и турки в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет вооружены и названы или полицейскими агента-

ми, или жандармами и таким образом в отношении армян превращены в исполнительную власть.

6) Упомянутые выше милиционеры опустошали поселения армян, совершали убийства и насилия.

Например, милиционеры из Тахара совершили насилия (изнасилования) и убийство в армянских селениях Гаванес, Алаи и Эник. Битлисские же милиционеры ограбили Гарджикан, Пелу и Кханик.

Шайка Бешери-Чато, состоящая из шестисот человек, опустошила селения Малазгерта, а в самое последнее время, направляясь в Персию, ограбила селения на северо-востоке нашего вилайета.

Мусульманские банды совершили ряд злодеяний в армянских селах близ Эрзерума, а добровольцы курды в поселениях Мушской равнины, и только вследствие очень энергичного вмешательства мусульского германского консула, этим добровольцам было предложено прекратить их грабежи.

Другие курды совершили много насилий и убийств в двадцати селениях около Диарбекира.

7) Такие известные разбойники, как Мехмед-Эмин и Мусса Касим-бей, были помилованы, и им разрешили вернуться в свои села или в села армян.

8) Вследствие огромного дезертирства среди курдов большее число селений, особенно в горах, было наводнено ими.

9) Полки «Гамидие» были расквартированы по армянским селам и совершили там ряд преступлений. (В частности, в Гассан-Тамране, Азорике, Сатманисе, Бокгазе, Кессене, Хазаре, Мендене и в Кортзоте.) Подручный Садом-бей ограбил Кутчук-Кей.

10) Армяне из Башкале и соседних селений были перебиты. (Это было подтверждено, несмотря на официальные опровержения.)

Таковы причины, приведшие армян к вопросу о защите своей чести, жизни и имущества. Между тем правительство, высказывая официально свое недоверие им, ставит их в отношении их вооруженных и полудиких соседей в критическое положение.

Признавая, что защита чести, жизни и имущества — это естественное и священное право всякого, правительство ведет гибельную политику, оставляя безоружных армян под знаменами. В самом деле, родина ничего не выигрывает от такой службы последних; между тем, оставляя армян в строю, правительство подвергает их семьи реальной опасности, ставя последних в постоянную зависимость от кровожадных капризов вооруженных и полудиких соседей.

Ясно, что давать армянам, у которых отняли оружие и которые как солдаты значения не имеют, кличку «дезертиров» несправедливо, особенно, если сами мусульмане дезертируют вопреки заявлению «Джихата».

Принимая во внимание политические, религиозные и социальные соображения, приведенные выше — кои вызвали дезертирство среди армян;

имея в виду, что армянские семьи лишены своих защитников среди опасностей, начало которых мы отметили в вилайетах Вана, Битлиса, Эрзерума и Диарбекира;

признавая, что удержание тысяч безоружных армян под знаменами не приносит отечеству никакой пользы;

что это крайне печально отразится на заброшенном земледелии;

что пока не разрешен вопрос о дезертирстве — страна находится под угрозой социальной опасности — быть может даже восстания, так как вполне понятно, что дезертир, преследуемый законом и голодом, — будет искать спасения и средства к существованию мятежными путями.

Я беру на себя смелость обратиться к серьезнейшему вниманию правительства на следующие предложения:

1) Оставить под ружьем армян лишь в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, получивших воинскую подготовку.

2) Оставлять армян в пределах их края и в жандармерии до окончательного восстановления взаимного доверия между ними и правительством.

3) Взимать умеренный налог за освобождение от призыва только с армян старше двадцати четырех лет (не бывших в обучении) и только на время войны.

4) Наказать по всей строгости законов убийц Башкале, Акхорика и Кхузерики.

5) Ввести возможно скорее в действие, постановления о сельских старостах, принятые при Тахсимбее.

6) Разрешить армянам ношение оружия до разоружения полудиких курдов.

7) Не предоставлять милиционерам никаких исполнительных общественных должностей, не разрешать им пребывание в армянских селениях и вооружать их только по их прибытии в главную квартиру.

8) Вознаградить армян за их потери во время погромов.

9) Отыскать и восстановить имущество ограбленных армянских церквей.

10) Вернуть их семьям захваченных молодых девушек и женщин и возратить на лоно их церкви армян, обращенных силою и страхом в ислам.

Приведенные выше мои предложения имеют целью положить конец настоящему ненормальному положению, обеспечить армянам их существование и восстановить их доверие к правительству, так как меры, принятые безо всякой нужды местными властями, напоминают время 1312—1313 (1895—1896 г.).

Я считаю себя обязанным просить вас принять доброжелательно и исходатайствовать утверждение Императорским и визириальным ираде минимальных требований армянского народа.

Для этой цели в Константинополе могли бы быть созданы армянские патриархи.

Ван, 13 февраля 1915 г.

Переведено Оффаз-бейем, английским драгоманом.

Ван, 30 мая 1915 г.

Итальянский консульский агент, оберегающий французские интересы в Ване — Е. П. г. французскому послу в Петрограде.

Имею честь довести до сведения В. Пр. данные о положении, созданном оттоманским правительством в отношении французской доминиканской миссии в Ване начиная с возникновения русско-турецкой войны до занятия города русскими. Вследствие отсутствия верных способов сообщения я не имел возможности войти в контакт ни с посольством Соединенных Штатов в Константинополе, ни с Итальянским консульством в Трапезунде. Перед своим отъездом г. де Сандфор — французский вице-консул в Ване, за неимением в этом городе американского консульского агентства, поручил мне защиту французских интересов, о чем и поставил в известность посольство Соединен. Штатов при Оттоманской Порте и властей вилайета.

Неделю спустя после отъезда г. де Сандфора, т. е. 15 ноября 1914 г., секретарь вилайета и директор народного просвещения, в сопровождении полицейских агентов, но без делегатов от французского консульского агентства, явились к отцам-доминиканцам и сестрам ордена «Введения во храм» и потребовали от них немедленно покинуть их монастыри и передать все их школьные помещения и благотворительные учреждения оттоманскому правительству.

Эти духовные лица были вынуждены оставить свои жилища в тот же день, получив от оттоманских чиновников разрешение взять с собой лишь вещи первой необходимости.

После чего власти наложили на все помещения миссии печати. Вследствие моих настойчивых представлений власти согласились оставить сестер в их помещении до самого отъезда. По всему вилайету

было отдано приказание об изгнании французских миссионеров в двадцать четыре часа.

Мои энергичные представления оттоманскому правительству позволили французским духовным лицам отправиться в дорогу, обеспечив себя необходимыми средствами передвижения для выполнения очень трудного маршрута, указанного им оттоманскими властями.

(По этому маршруту изгоняемые французы должны были возвращаться во Францию через Битлис, Диарбекир, Алеппо и Мессины.)

Мне удалось также получить разрешение от Вали, чтобы Его Преподобие отец Бернар Гурдмайтиг, настоятель французской доминиканской миссии, остался в Ване, так как путешествие было невыносимо для него и по состоянию его здоровья, и по преклонности его возраста.

Все другие духовные лица обоего пола покинули Ван 20 ноября 1914 г.

После изгнания французских миссионеров помещение отцов-доминиканцев было занято мужской оттоманской школой, а помещение сестер — женской оттоманской школой. Само собой разумеется, что турецкие чиновники разобрали большую часть мебели, принадлежавшей миссии, оставленной на их попечение.

Во время последних событий, в истекших апреле и мае, заливших Ван и его окрестности кровью, резиденция доминиканцев, расположенная в конце мусульманского квартала, обратилась в одну из главных позиций турок, помещение же сестер, находящееся в христианском квартале, было занято армянами раньше, чем турки сообразили послать туда свои силы. За свое пребывание в течение месяца в помещении доминиканцев башибузуки, турки и курды, устроившие там баррикады, привели имущество, оставшееся после ограбления турецкими чиновниками, в такое состояние, что армяне, заняв впоследствии

дом, не нашли ничего, кроме жалких обломков. Помещение сестер избегло ограбления, находясь все время под надзором армян. Миссия представит В. Пр-ству при моем посредстве список украденных вещей.

Со времени оккупации города русскими помещением доминиканцев было занято русско-армянскими добровольцами, а помещение сестер служит временно властям как губернаторская резиденция.

Г. Сбордон

Ван, 31 мая 1915 г.

Итальянский консульский агент в Ване — итальянскому послу в Петрограде.

Господин посол,

Имею честь довести до вашего сведения о событиях, происшедших в течение двух месяцев в Ване и в вилайете.

Я не имел возможности оповестить о них ранее ни г. консула в Трапезунде, ни итальянского посла в Константинополе.

Для более полного уяснения я делю этот рапорт на три части:

- 1) Положение ванского вилайета до осады.
- 2) Осада Вана.
- 3) Занятие русскими.

1. Положение Вана и вилайета до осады

В то время, как Джевдет-бей — вали Вана, исполнявший также обязанности защитника турко-персидской границы, опустошал города Салмас, Хозраву и Башкале и избивал там христиан, временный вали Вана требовал возвращения в армию солдат-

армян, покинувших ее, так как их обезоружили и отстранили. Требовал он и возвращения их под предложением образования из них команд рабочих землекопов, но на самом деле, чтобы их перебить, как однажды Джевдет-бей уже сделал, приказав предательски расстрелять многочисленных солдат-армян, бывших под его начальством. Доказательством существования у оттоманского правительства, требовавшего упорно возвращения дезертировавших солдат-армян и других, предательского намерения, может служить постоянный отказ этого правительства принять даже самые законные и удовлетворяющие условия, предлагавшиеся как мной, так и вождями армянского народа, с целью предотвращения нового конфликта и избиений, которые предвиделись, так как турки были взбешены известием, что тысячи армян вступают добровольцами в русскую армию и сражаются с турецкой армией с воодушевлением.

В бесполезных переговорах прошел целый месяц.

Турки отвергали сегодня то, что принимали накануне.

Три важные события надо отметить. Прежде всего избиения по селениям, начавшиеся задолго до событий в Ване. Число жертв этих избиений насчитывают до 16 000 человек.

Армянские крестьяне, хотя и были вооружены, но вместо того чтобы защищаться своим оружием, они его отдавали властям, позволяя душить себя. Все эти избиения были произведены с необычайным жестокосердием. Мальчикам вспарывали животы, раздевали донага женщин и девушек и голыми гнали как диких зверей в горы.

Число крестьян — мужчин, женщин и детей, искавших убежища в Ване, которых надо было кормить, хотя бы под угрозой голода в городе, доходило до пятнадцати тысяч.

Второе событие. Чтобы свободнее расправиться с армянами, Джевдет-бей считал необходимым рань-

ше кончить с их тремя главными вождями: Врамьяном, Арамом и Ишханом, людьми одаренными и преданными родному делу. Он начал с Ишхана. Это было во время переговоров моих и армянских комитетов с правительством.

Тогда еще надеялись прийти к соглашению. Между тем в Шатаке произошли крупные беспорядки. Вали под предлогом восстановления спокойствия послал туда комиссию якобы для того, чтобы сделать приятное армянскому комитету, а также, чтобы почтить Ишхана за его преданность делу и влияние; он просил последнего принять в назначенной комиссии участие. Ишхан в сопровождении своих трех товарищей отправился и скоро был нагнан отрядом черкесов, посланным вали. Вечером, когда путники ужинали, эти черкесы расстреляли их почти в упор.

В тот же день Врамьян и Арам были приглашены к вали, который хотел посоветоваться с ними.

Врамьян, слишком рассчитывая на свое звание депутата, отправился к губернатору и тотчас же был арестован. К счастью, для Вана Арам был предупрежден вовремя о том, что происходит, и вернулся к себе. Что же касается Врамьяна, то он был посажен на парусник, уходивший в море, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Третье событие: накануне бомбардировки Вана правительственными войсками все чиновники-армяне и армянские нотабли во всех «кагах» — уездах, были перестреляны или передушены, причем, прежде чем расстрелять, их целый час гоняли взад и вперед под наведенными дулами ружей.

2. Осада Вана

В субботу, 1 апреля, армянские кварталы внезапно были окружены войсками с артиллерией. Воскресенье и понедельник проходят в моих безрезультатных

переговорах с вали. Во вторник, вследствие убийства нескольких армян, заступившихся за поселянок-христианок, попавших в руки турецких солдат, волнение делается общим. Из всех казарм выходят солдаты, которые и открывают по населению огонь. Бомбардировка начинается.

Чтобы ясней стало последующее, я должен сказать, что Ван делится на две части, одну из которых называют «городом», а другую — «садами».

«Город» расположен близ озера, и в нем находятся правительственные учреждения: суд, казармы, многие управления гражданского ведомства, как: банк, акцизное управление, почта, телеграф и базары. В «городе» же — кучка армянских домов.

«Сады» состоят из армянского квартала и нескольких турецких. Ядро мусульманского населения поселено на площади, разделяющей город от садов. Когда началась бомбардировка, в распоряжении правительства было двенадцать орудий и огромное количество боевых припасов, шесть тысяч солдат (турки, курды, черкесы), пять казарм, порт на озере, небольшой пароход и все парусники.

Жители селения Искель-Кей, испугавшись угроз, изменили делу армян, и все служили туркам.

У армян не было пушек, а бойцов у них было от ста до ста двадцати в городе и полторы тысячи в «садах».

Организовались они с замечательной быстротой и проникательностью, установили главный штаб, организовали инженерный отряд, батальон стрелков, Красный Крест, перевязочные пункты, полицию. Прорыли траншеи, возвели баррикады и были настолько мудры, что приняли оборонительный образ действий, чтобы избежать бесполезных потерь, а также воспретили бесцельный огонь.

Для турок все осадные операции заключались в бомбардировке и днем и ночью «города» и «садов»,

да в том, чтобы жечь армянские дома, стараясь, но безуспешно, захватить армянские позиции и терроризовать армян несмолкаемой стрельбой. Орудия принесли сравнительно немного вреда (было выпущено около 10 тыс. снарядов в «город» и 6 тыс. — в «сады»), убив около сотни женщин и детей и несколько мужчин, проходивших садами. Что же касается вреда, причиненного армянским позициям, то всякое разрушение тотчас же исправлялось. Армяне оказались счастливее турок, им не только удалось отбить все атаки, но самим захватить турецкие позиции, предав их огню.

Английское консульство, в которое, несмотря на мои протесты, вали поместил под предлогом охраны здания тридцать жандармов, стрелявших без устали по населению, было атаковано армянами и после нескольких часов осады сожжено. В городе ими были сожжены Оттоманский банк, акцизное управление, почта, телеграф и контора Dette Publique, которые были превращены турками в сильные позиции. Ночная атака турок, под руководством германского офицера, прибывшего из Эрзерума, была так победоносно отбита, что офицер на следующий же день после поражения уехал из Вана. Во время этой атаки турки только потеряли от 60 до 70 человек. Осада продолжалась двадцать семь дней.

Несмотря, однако, на ежедневные успехи, армяне сознавали, что для дальнейшего сопротивления им нужна помощь со стороны. Русских ждали с нетерпением. И наконец они пришли. При приближении их мусульмане обратились в бегство, как один. Это бегство было так поспешно, что не взяли с собой ни одной вещи. Джевдет-бей выехал из Вана накануне. Не успели еще мусульмане оставить город, как начались пожары их домов. Армяне, опасаясь контратак, не оставили в целости ни одного их жилища. За пожарами последовал общий грабеж.

3. Оккупация русских

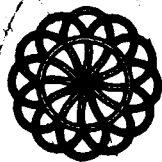
Армянские добровольцы вступили в город первыми. Им устроили триумфальную встречу. За ними шли непрерывно, сменяясь одна за другой части русских регулярных войск. Было учреждено гражданское управление, которое русские передали в руки армян. Генерал-губернатором был назначен Арам. Он же, надо сказать, был душой сопротивления армян.

Г. Сбодон

Примечание: Объявление Италией войны Австрии, о чем сообщил ген. Николаев, вызвало в ванских жителях живейший восторг. Население во главе с генерал-губернатором Арамом, неся итальянский флаг, подошло к консульству и устроило там сочувственную Италии демонстрацию.

АНРИ БАРБИ

В стране ужаса — Мученица Армения

ООО Издательство "ЮниПресс СК"
111524, Москва, а/я 20
e-mail: unipress@inbox.ru

Подписано в печать 8.09.2008. Формат 84x108 ¹/₃₂
Гарнитура "Академия". Печать офсетная.
Тираж 2000. Заказ № 5108

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93